

Карпович О.Г., Главный редактор,
доктор политических наук,
доктор юридических наук,
профессор

Ласария А.О., помощник Главного
редактора, ответственный
секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шутов А.Д., председатель,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Анжела ди Грегорио, доктор
политологии, профессор
(Италия)

Анис Байректаревич, доктор
политологии, профессор
(Австрия)

Бажанов Е.П., заслуженный
деятель науки РФ, доктор
исторических наук,
профессор

Бартош Хордецкий, доктор
политологии (Польша)

Гарбузов В.Н., доктор
исторических наук, профессор

Громыко А.А.,
член-корреспондент РАН

Манойло А. В., доктор
политических наук

Пономарева Е. Г., доктор
политических наук, профессор

Ширинянц А. А., доктор
политических наук, профессор

Филимонов Г. Ю., доктор
политических наук

Геополитический журнал

Номер свидетельства о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-61075

Наименование СМИ:

Геополитический журнал.

Форма распространения:

печатное СМИ журнал.

Территория распространения:

Российская Федерация,
зарубежные страны.

Языки: русский, английский.

Адрес редакции: 140015, Московская
область, г. Люберцы, Комсомольский
проспект, д. 4.

Тел.: + 7 (495) 503-76-36

E-mail: gp_j@bk.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал
«Геополитический журнал» обязательна.

© «Геополитический журнал», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Манойло А. В.**
Основы теории современных информационных
войн 3
- Павлова М.П.**
Социальные медиа и сети — новый инструмент
для террористических организаций 24
- Карпович О.Г., Булавин А.В.**
Права человека и некоторые вопросы
обеспечения национальной безопасности в США 27

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Буневич Д. С.**
Польша в современных американских
геополитических концепциях и интересы России 32
- Лактионова Н.Я.**
Прибалтика и Россия: мифическая «теория
оккупации» и реальный «институт неграждан» 44

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Лавринов Б.Б.**
Когнитивные реконструкции событий Великой
Отечественной войны и их роль в период
крымского кризиса 2014 г. 54
- Филиппов В. Р.**
Гваделупа: воспоминание о рабстве 61

РЕГИОНАЛИСТИКА

- Карякин В. В.**
О роли теории в региональных исследованиях. 74

№ 4 (19)
AUGUST
2017

GEO POLITICS JOURNAL

O.G. Karpovich, Editor-in-Chief,
Doctor of Political Sciences,
Doctor of Law, Professor

A.O. Lasariya, assistant to Editor-in-Chief

EDITORIAL BOARD:

A.D. Shutov, Chairman, Honoured
Science Worker of the Russian
Federation, Doctor of Historical
Sciences, Professor

Angela Di Gregorio, Doctor of
Political Sciences, Professor (Italy)

Anis Bajrektarevic, Doctor of
Political Sciences, Professor
(Austria)

Ye.P. Bazhanov, Honoured Science
Worker of the Russian Federation,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Bartosz Hordetski, Doctor of
Political Sciences (Poland)

V.N Garbuzov, Doctor of Historical
Sciences, Professor

A.A. Gromyko, corresponding
member of RAS

A.V. Manoylo, Doctor of Political
Sciences

Ye.G. Ponomareva, Doctor of
Political Sciences, Professor

A.A. Shirinyants, Doctor of Political
Sciences, Professor

G.Yu. Filimonov, Doctor of Political
Sciences

The Geopolitics Journal

Certificate Number ПИ No. ФС77-61075

Name of the Media: The Geopolitics
Journal.

Distribution Form: printed media,
Journal.

Distribution Area: Russian Federation,
foreign countries.

Languages: Russian, English.

Address of the Editorial Staff:

Komsomolsky prospect 4, Lyubertsy,
140015.

Tel.: + 7 (495) 503-76-36

E-mail: gp_j@bk.ru

When reprinting and quoting, reference to the
Geopolitics Journal is required.

© The Geopolitics Journal, 2017

CONTENTS

SECURITY ISSUES

- Manoylo A.**
Bases of the theory of modern information wars 3
- Pavlova M.**
Social Media and Networks – the new tool for
terroristic organizations.....24
- Karpovich O., Bulavin A.**
Human rights and some issues of national security
in the United States.....27

INTERNATIONAL RELATIONS

- Bunevich D.**
Poland in modern american geopolitical concepts
and russian interests32
- Laktionova N.**
The Baltic States and Russia: the mythical «Theory of
occupation» and the real «institute of non-citizens» 44

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Lavrinov B.**
Cognitive reconstructions of the greate patriotic
war events and their role during the Crimean crisis
in 2014.....54
- Filippov V.**
Guadeloupe: remembrance of slavery61

REGIONALISTICS

- Karyakin V.**
About role of the theory in regional studies.....75

Sam Poligrafist LLC, publishing company
Printed in OneBook printing house
Volgogradsky pr., 42, 109125, Moscow.
www.onebook.ru

Passed for printing 30.08.2017,
Order No. 71736
Size 70x108 1/16
Circulation: 500 copies.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ОСНОВЫ ТЕОРИИ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Манойло А. В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии,
кафедра российской политики, профессор, доктор политических наук, Россия, Москва,
Эл. почта: cyberhurricane@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию технологий информационных войн, применяемых в современных международных отношениях и мировой политике. Автор отмечает, что информационные войны в современном мире стали одним из привычных факторов окружающей нас действительности. Каждый из нас ежедневно оказывается в фокусе действия той или иной информационной атаки, несущий заряд убийственной агрессии, направленной как на общество в целом, так и на сознание каждого человека в отдельности. Вместе с тем, большинство наиболее опасных операций информационной войны американского происхождения имеют в своей основе одну и ту же стандартную организационную схему, представляющую собой последовательность информационных вбросов, разделенных периодами экспозиции (информационной «тишины») и согласованных по времени, целям, задачам и объектам воздействия.

Ключевые слова: международные отношения, политика, информационная война, психологическая война, информационная операция, информационная атака, национальная безопасность, международный конфликт, угроза, информационный вброс.

Manoylo A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science, Department of Russian Politics, Professor, Doctor of Political Sciences, Russia, Moscow

BASES OF THE THEORY OF MODERN INFORMATION WARS

Abstract. This article is devoted to the study of information wars technologies used in modern international relations and world politics. The author notes that information wars in the modern world have become one of the usual factors of the reality surrounding us. Each of us daily turns out to be in the focus of the action of this or that information attack, which carries a charge of murderous aggression directed both at the society as a whole and on the consciousness of each person separately. At the same time, the majority of the most dangerous operations of information warfare of American origin are based on the same standard organizational scheme, which is a sequence of information injections, separated by periods of exposure (information "silence") and time-coordinated goals, objectives and targets.

Key words: international relations, politics, information war, psychological warfare, information operation, information attack, national security, international conflict, threat, informational throw-in.

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Современные технологии информационных войн, основанные на манипулятивном управлении политическим сознанием и поведением граждан, исключительно опасны: их главная задача — разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество клоч-

ков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти. При этом цель ин-

формационной войны — сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле. Высокая эффективность информационных атак и растерянность, являющаяся типичной реакцией большинства стран на акции информационной войны, делает информационные войны одним из основных элементов современных гибридных войн, таких как война в Сирии [3] или конфликт в Украине [2].

Информационная война (ИВ) — это вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия.

Структурно современная информационная война состоит из последовательности информационных операций, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия.

В Соединенных Штатах Америки термин «информационная операция» официально закреплен в полевом уставе Ар-

мии США «Психологические операции» FM 33-1. Согласно этому источнику, информационная операция — это проводимая в мирное или военное время плановая пропагандистская и психологическая деятельность, рассчитанная на иностранные дружественные, враждебные или нейтральные аудитории с тем, чтобы влиять на их отношение и поведение в благоприятном направлении для достижения как политических, так и военных целей.

При этом американские военные выделяют три уровня ведения информационных войн: стратегический, тактический и оперативный. Уровень информационных операций — это именно тактический уровень ведения информационной войны. Оперативный уровень ведения ИВ — это уровень отдельных информационных атак, совокупность которых составляет одну информационную операцию. Стратегический уровень соответствует самой информационной войне.

2. РОЛЬ СМИ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЯХ

Особую роль в информационных войнах играют средства массовой информации и коммуникации (СМИ). Они являются, с одной стороны, каналом доведения информационного воздействия до конкретной целевой аудитории (политических элит, лидеров мнений, широких слоев общественности, политически активной молодежи), с другой — выступают непосредственным участником конфликтного взаимодействия. В современных конфликтах СМИ активно используются как средство дезинформации и пропаганды, как инструмент манипулирования общественным мнением, массовым сознанием и поведением граждан, как инструмент прямого давления на оппонентов. Именно через так называемые «независимые» СМИ спецслужбы осуществляют вбросы («кон-

тролируемую утечку») информации, компрометирующей их соперников, дестабилизирующей политическую обстановку в различных странах, инициирующей массовые протесты в стиле цветных революций [6].

СМИ имеют обыкновение выдавать непроверенную информацию за достоверную, если в ней содержатся элементы сенсационности, тем самым способствуя ее легализации. Экстремисты часто используют СМИ для усиленного разжигания националистических, экстремистских настроений даже в тех регионах, где эти противоречия уже давно не проявлялись; именно прозападные, демократические СМИ формируют романтический образ цветных революций в тех странах, где осуществляются «цветные» государственные перевороты, они же

затем легитимируют хунты, пришедшие к власти. Западные СМИ активно участвуют в формировании образов «стран-изгоев» (в эту категорию попадают все

страны, проводящие независимую от США внешнюю политику) [1], провоцируя новые международные конфликты и столкновения.

3. ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ОПЕРАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Стандартная англосаксонская операция информационной войны представляет собой последовательность информационных вбросов, разделенных периодами экспозиции (информационной «тишины») и согласованных по времени, целям, задачам и объектам воздействия.

С помощью вбросов, содержащих заведомо провокационную информацию, объект информационной атаки пытаются вывести на эмоции и совершение необдуманных поступков, которые затем становятся предметом острой критики и, в конечном итоге, ведут к его дискредитации.

Информационный вброс — это блок специально подготовленной информации, стимулирующей объект информационного воздействия на совершение немедленных ответных действий (в качестве реакции на полученный внешний стимул).

Ошибочно считать, что информационный вброс должен содержать только компрометирующую информацию. Содержанием информационного вброса может быть любая информация стимулирующего характера, способная вывести объект атаки из состояния равновесия и побудить его к немедленному совершению спонтанных, неосознанных, необдуманных действий. Если грубая

лесть воздействует на психоэмоциональное состояние объекта атаки сильнее, чем компромат или шантаж, заставляя его под наплывом эмоций «терять голову» (временно утрачивая над собой контроль), то вброс будет насыщен именно такого рода информацией.

Любая операция информационной войны начинается с информационного вброса, направленного на объект (мишень) атаки или на его ближайшее окружение. Если одного вброса недостаточно для того, чтобы сломить противника или подчинить себе его волю, в операциях ИВ используют серию информационных вбросов, вбрасываемых в публичное информационное пространство по очереди, последовательно, через заранее намеченные промежутки времени, обеспечивающие эффект экспозиции.

Период экспозиции — это период информационной «тишины», разделяющий два последовательных вброса, предназначенный для считывания и анализа реакции объекта (мишени) воздействия на вброшенную в его адрес стимулирующую информацию (с помощью обязательно присутствующего в схеме операции ИВ механизма положительной обратной связи).

В схеме операции ИВ периоды экспозиции — это технические паузы; их присутствие обязательно.

4. РОЛЬ ПЕРИОДОВ ЭКСПОЗИЦИИ («ИНФОРМАЦИОННОЙ ТИШИНЫ»)

Помимо функции технической паузы, отведенной на считывание ответной реакции объекта атаки, у периода экспозиции есть еще два дополнительных

(специальных) функциональных назначения.

Во-первых, период «информационной тишины» дает возможность объекту ата-

ки, не отвлекаясь на посторонние инфоповоды (шумы), захватить и полностью усвоить весь объем вбрасываемой в его адрес информации. Если бы периодов экспозиции не было, множественные информационные вбросы накладывались бы друг на друга и создавали бы «белый шум». При этом вероятность того, что какой-либо элемент «белого шума» «зацепил» бы объект атаки, была бы сведена к минимуму. Если вброс произошел, надо обязательно дать время объекту атаки полностью сосредоточиться на восприятии содержащейся в этом вбросе стимулирующей информации, не отвлекаясь на сторонние инфоповоды и раздражители, не имеющие отношения к проводимой операции ИВ.

Во-вторых, период экспозиции необходим для того, чтобы объект (мишень) атаки, захватив инфоповод, перешел в возбужденное («пограничное») состояние и сам себя психологически «накрутил» до потери сознания. Дело в том, что ничто так не пугает человека, как неизвестность и недосказанность, нечеткость понимания того, что именно ему угрожает, и в какой степени следует этого бояться. И никто так не может напугать человека, как он сам, используя безграничные возможности своего воображения. Столкнувшись с нечетко выраженной, непонятной и неизвестной «экзистенциальной» угрозой, человек начинает метаться, достраивать в своем воображении образ предполагаемой угрозы, дополняя реальные факты вымышленными, еще больше пугается результатов своей «аналитической реконструкции» и в итоге довольно быстро впадает в панику или протрацию (ступор). В нем происходит психологический надлом, который делает человека послушным, пластичным (как пластилин), управляемым. Он, даже не успев столкнуться с угрозой лицом к лицу и вступить в борьбу, уже готов сдаться.

Напротив, определенность, даже в отношении серьезной угрозы, всегда

успокаивает: человек понимает, что ему грозит, видит границы этой угрозы и, осознавая всю серьезность своего положения, тем не менее, начинает мобилизовать все свои внутренние и внешние ресурсы на борьбу с тем, что ему реально угрожает — с реальными, а не вымышленными, угрозами.

В этом плане информационный вброс относится как раз к той категории информации, которая никогда не содержит полной характеристики угрожаемой ситуации, сложившейся вокруг объекта атаки — только намеки. Даже в том случае, если в отношении объекта атаки в ход идет вполне определенный, конкретный компромат, он никогда не выкладывается в публичное информационное пространство сразу, в полном объеме. Напротив, организаторы информационных атак предпочитают держать объект атаки в постоянном, нарастающем с течением времени напряжении, выкладывая компромат частями — для того, чтобы объект не знал, что именно ждет его в следующий раз, какие именно сведения будет содержать очередной вброс. В результате объект атаки начинает ощущать себя «подвешенным на тонкой ниточке», которую в любой момент неизвестный ему недоброжелатель может «перерезать». В этой ситуации, при строгом соблюдении полной информационной тишины в промежутках между вбросами, объект атаки способен сам, без посторонней помощи, накрутить себя до полностью «разобранного» состояния, да еще и совершить в приступе паники множество неадекватных поступков.

Для срабатывания этого эффекта информационная тишина в промежутках между вбросами должна быть полной: любая, даже самая незначительная информация, просочившаяся (случайно или преднамеренно) от организаторов информационной операции, способна внести в ситуацию элементы определенности и тогда объект, интенсивно «варящийся в собственном соку», нацупав

точку опоры, может неожиданно успокоиться и начать действовать разумно.

Что, в свою очередь, может привести к системному сбою в самой операции.

5. ОСНОВНАЯ ИТЕРАЦИОННАЯ СХЕМА

Для более тонкой настройки на психологические особенности объекта (мишени) воздействия в современных операциях информационной войны используется многокаскадная итерационная схема с коррекцией, позволяющая многократно применять метод вбросов по отношению к одному и тому же объекту, последовательно (с каждым новым итерационным циклом) подводя его к искомому психоэмоциональному состоянию, обеспечивающему продуцирование объектом определённых реакций на внешние стимулы-раздражители.

Широко применяемый в математике метод итераций (последовательных приближений) предполагает организацию поиска точного решения математиче-

ской задачи путем многократной (циклической) подгонки параметров уже известных ее приближенных значений под наилучший результат, обеспечивающий (в пределах ошибки вычислений или измерений) тождественность обеих частей исходного математического уравнения.

В основе итерационной схемы, применяемой в операциях ИВ, лежит принцип многократного (циклического) повторения тактической последовательности действий вида «информационная атака (вброс) — техническая пауза (период экспозиции)» с обязательной коррекцией исходной схемы вброса информации (равно как и содержания вброса) после каждого прогона исходной итерационной схемы (после каждой итерации).

6. МЕХАНИЗМ КОРРЕКЦИИ

Механизм коррекции, обеспечивающий тонкую подгонку структуры и содержания вброса под индивидуальные особенности психики объекта атаки, обеспечивает обязательное изменение (корректировку) базовых параметров вброса (содержания, установок, стимулов) в зависимости от конкретных особенностей реакции на него объекта (мишени) атаки. Цель вносимых корректировок — выявление уязвимостей в психоэмоциональном состоянии и рефлекс-

торных реакциях поведении объекта атаки («болевых точек») и точное фокусирование поражающего информационного воздействия (параметров вброса) на указанные «болевые точки». Эта цель достигается присутствием в итерационной схеме операции ИВ специального механизма коррекции, позволяющего тонко настраивать схему информационного воздействия под индивидуальные особенности ответной психологической реакции объекта (мишени) атаки.

7. МЕХАНИЗМ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Действие применяемого в стандартной англосаксонской операции ИВ механизма коррекции основано на принципе положительной обратной связи, связывающей объект воздействия с организаторами информационной атаки.

Реализованный в современных операциях ИВ механизм положительной обратной связи предполагает обязательное «считывание» и анализ ответной реакции объекта атаки после каждого информационного вброса (которых в операции информационной войны может

быть несколько) и внесение соответствующих корректирующих изменений в исходную схему информационной атаки.

Ответные реакции объекта атаки считываются и анализируются в течение периодов экспозиции, разделяющих вбросы. Конечным результатом работы механизма обратной связи в рамках каждого итерационного цикла становится вычисление параметров «невязки» — математических отклонений ключевых параметров проявленных объектом атаки поведенческих реакций от их искомым (ожидаемым) значений, заданных на этапе планирования информационной операции (по существу, это план/факт реализации схемы операции ИВ, оценивающий ее эффективность на каждом цикле или этапе). «Невязки» — это качественный показатель (индикатор) того, что что-то в реализации схемы ИВ пошло не так. Ориентируясь на считываемые значения этих индикаторов, инженеры ИВ корректируют первоначальную схему информа-

ционной атаки таким образом, чтобы, с точки зрения соответствия реальных и ожидаемых психоэмоциональных реакций и поведения, демонстрируемых объектом атаки в отчет на очередной вброс в его адрес, каждая последующая итерация (повторение приема «информационный вброс — период экспозиции — коррекция — формирование содержания нового вброса») давала лучший результат, чем предыдущая.

Особенность американского стиля ведения информационных войн заключается в том, что американцы просто не могут нормально работать без обратной связи с мишенью атаки: считывая ее реакции, организаторы операции понимают, что они все делают правильно (если мишень демонстрирует именно те формы поведения, которые являются ожидаемыми и вписываются в сценарий атаки) и что «все идет по плану». Если обратная связь, по каким-либо причинам, разрывается, американских политтехнологов охватывает состояние истерии и паники.

8. ПРИНЦИП ДЕЙСТВИЯ МНОГОКАСКАДНОЙ ИТЕРАЦИОННОЙ СХЕМЫ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗЬЮ

Действие схемы операции информационной войны представляет собой многократно повторяющийся (циклический) процесс, в ходе которого объект подвергается прямой информационной атаке (в форме вброса информации, провоцирующей объект атаки на немедленное действие). Его ответная реакция (со всеми характерными для данного человека индивидуальными особенностями) считывается по каналам обратной связи, анализируется и поступает в механизм коррекции. На основании выявленных индивидуальных особенностей реагирования объекта атаки на внешние информационные раздражители определяются его «болевы точки», темы и поводы, выводящие человека из состояния равновесия и способные мгновенно его возбудить и довести до

крайне неустойчивого «пограничного» состояния, в котором он теряет способность контролировать себя и свои действия. С учетом выявленных «болевых точек» содержание исходного информационного вброса корректируется таким образом, чтобы сфокусировать информационное воздействие именно на этих проблемах, воспринимаемых объектом атаки наиболее болезненным образом. Затем этот вброс вновь вводится в публичное информационное пространство — по референтным (для объекта атаки) каналам связи, и снова бьет по психике объекта атаки, ломая ее волю к сопротивлению. Только теперь уже — более болезненно. Так продолжается до тех пор, пока объект атаки своими ответными реакциями полностью себя не скомпрометирует, либо до тех пор, пока

его воля не окажется полностью сломлена или подчинена источнику внешнего управляющего воздействия — вплоть

до полного «удушения» воли противника путем «затягивания на его шею» «петли анаконды».

9. СТРУКТУРА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОПЕРАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Структура операции информационной войны состоит из мероприятий подготовительного этапа и серии двухкаскадных итерационных циклов, включающих в себя:

- первичный информационный вброс, сопровождаемый вспомогательной операцией по легализации вбрасываемой информации (с этого момента в операции информационной войны начинается I полукаскад);
- следующий за вбросом первый период экспозиции;
- механизм положительной обратной связи, считывающий реакцию объекта атаки на первичный вброс;
- механизм коррекции, формирующий пул информации (для повторного вброса), основанной на вторичных комментариях и оценках исходных фактов (истинных или сфабрикованных), содержащихся в первичном вбросе, а также субъективных оценках эмоциональной реакции объекта атаки на данный вброс;
- повторный вброс информации, основанной на субъективных оценках эмоциональной реакции объекта атаки на предыдущий вброс (с этого момента в операции информационной войны начинается II полукаскад);
- следующий за повторным вбросом второй (в рамках одного итерационного цикла) период экспозиции;
- механизм положительной обратной связи, считывающий реакцию объекта атаки на повторный вброс, в ходе которой у объекта атаки возникает очень сильная настоя-

тельная потребность «немедленно, очень мощно ответить» на атаку в его адрес;

- механизм коррекции, формирующий пул информации (для третьего по счету информационного вброса, с которого начнется новый итерационный цикл), основанной на субъективных комментариях и оценках эмоциональной реакции объекта атаки на повторный вброс;
- вбрасывание в публичное пространство нового информационного вброса, основанного на субъективных комментариях и оценках эмоциональной реакции объекта атаки на предыдущий вброс, сопровождаемый вспомогательной операцией по легализации вбрасываемой информации (в этот момент в операции информационной войны завершается II полукаскад предыдущего итерационного цикла и начинается I полукаскад нового итерационного цикла);
- в операции информационной войны начинается новый итерационный цикл, схема которого идентична предыдущему, только что завершившемуся, циклу.

Далее последовательность операций, описанная выше, повторяется по циклическому принципу до тех пор, пока объект атаки не откажется от сопротивления и подчинится требованиям организаторов информационной операции.

Субъективные оценки и комментарии, на базе которых формируются повторный (второй) и третий информационные вбросы, возникают в информационном пространстве в следствие

инициирования (организаторами информационной операции, имеющими оперативные контакты в СМИ и «новых медиа») публичной открытой дискуссии относительно адекватности (или, напротив, неадекватности) эмоциональных поведенческих реакций объекта атаки на вбрасываемую в его адрес информацию, способствуя формированию в обществе позиции нетерпимости как по отношению к жертве вбросов, так и по отношению попыток его себя защитить. При этом для участия в открытой дискуссии организаторы информационных операций привлекают подконтрольных

им лидеров мнений, блогеров, обозревателей, профессиональных критиков, несистемных оппозиционеров. В результате через некоторое время все информационное пространство оказывается переполнено субъективными оценками, версиями, обвинениями и разоблачениями эмоционального поведения объекта атаки, за которыми полностью теряется исходная причина — фактура, содержащаяся в вбросе. В результате объективная реальность подменяется реальностью сконструированной, а объективные оценки — продуктами социального инжиниринга.

10. КАСКАДЫ

Стандартная организационно-технологическая схема англосаксонской операции информационной войны состоит из повторяющихся итерационных циклов (каскадов); при этом каждый из каскадов (итераций), в свою очередь, состоит из двух полукаскадов. Первый полукаскад рассчитан на получение первичной (немедленной), сверх эмоциональной реакции объекта (мишени) атаки на только что обнаруженный им информационный вброс. На этой реакции его ловят в первый раз.

В стадию второго полукаскада начинается операция информационной войны переходит в тот самый момент, когда объект атаки, придя в себя после

первого каскада, немного остывает и, осознав то, что его нарочно, умело вывели на эмоции, принимает для себя решение «немедленно и мощно ответить», причем — здесь и сейчас. При этом желание ответить немедленно становится для объекта атаки главной целью и жизненно-важной потребностью, вытесняя при этом другие потребности на второй план и, одновременно, блокируя адреналином «голос разума». В результате объект бросается в контратаку, как правило, абсолютно не подготовленную. На этом его ловят второй раз, после чего операция переходит на новый уровень — в начало следующего итерационного цикла.

11. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ

Началу любой операции информационной войны предшествует стадия подготовки — так называемый подготовительный этап, в ходе которого решается основной объем задач стратегического планирования:

- формируется замысел информационной операции;
- определяются цели, задачи, главный и второстепенные объекты воздей-

ствия, которым предстоит стать мишенями для информационных атак;

- определяются каналы доведения управляющего информационного воздействия до объектов атак и иных целевых аудиторий, которые затем будут использованы для информационных вбросов.

Помимо решения задач стратегического планирования, на этапе подготов-

ки разворачивается активная деятельность по:

- формированию вокруг личности и поля деятельности будущего объекта атаки, а также –вокруг его ближайшего окружения, негативного информационного фона, состоящего из различного рода вбросов и утечек компромата (в том числе сфабрикованного), «фреймов» и «ярлыков»;
- сегментации и изучению целевых аудиторий, включающая в себя выявление информационных потребностей и предпочтений будущего объекта атаки, устоявшихся привычек, проявляющихся в работе объекта с информацией, референтных источников получения информации, которым объект привык пользоваться и которым он доверяет;
- тестированию стандартных (типичных) реакций объекта атаки

и связанных с ним целевых аудиторий на внешние раздражители и стимулы (считывание и анализ особенностей ответной реакции объекта атаки на «легкие уколы» в виде зондирующих «пробных шагов»);

- применению социологических методов изучения информационного поля, общественного мнения;
- отдельных мероприятий челночной дипломатии, направленных на предварительное изучение ближайшего окружения и доверенных лиц будущего главного объекта информационной атаки.

В тех случаях, когда это представляется возможным, активно применяются и оперативные методы: к главному объекту атаки (на предмет его изучения) подводится действующая агентура спецслужб.

12. ВЫБОР ОБЪЕКТА (МИШЕНИ) ИНФОРМАЦИОННОЙ АТАКИ

Подготовительный этап любой информационной операции включает в себя выбор объекта (мишени) атаки.

Наиболее часто объектом информационной атаки становятся первые лица государства — президент и премьер: с них, как правило, информационная война и начинается. Причина этого предельно проста: первые лица всегда находятся под прицелом, они ведут публичный образ жизни, каждый их шаг, каждое их действие или движение рассматривается сквозь лупу. То, что прощается любому публичному политику, даже самому высокопоставленному и известному, никогда не прощают лидерам государства: они часто просто не имеют права на ошибку, что в определенном смысле роднит их с саперами. В силу своей публичности именно первые лица государства выступают главными ньюсмейкерами и производят большинство резонансных инфоповодов, которыми

затем дают свою интерпретацию национальные и зарубежные СМИ. Информационная война всегда разворачивается вокруг первых лиц, их действий, реакций на те или иные события, которые на первоначальном этапе тщательно прощупываются и тестируются с помощью заведомо провокационных вбросов ложной информации, запуска в социальных сетях вирусного контента, распространения слухов и сплетен, способных эмоционально «зацепить» хотя бы одного из первых лиц государства и вызвать его ответную резкую, эмоционально окрашенную реакцию.

Однако в качестве объекта информационной атаки может быть выбрана и групповая мишень: например, политическая элита, входящая в окружение президента — тот самый «ближний круг» доверенных лиц, на которых лидер страны опирается. В этом случае целью атаки становится внесение раскола

в ряды элиты, стремление заставить их забыть об интересах государства и полностью переключиться на спасение своих личных капиталов. В результате лидер страны в самый ответственный момент может оказаться без поддержки и проиграть.

Информационная атака на окружение президента может быть направлена как

напрямую, так и опосредованно, используя «отраженный» эффект. Нередко лидер страны, отбивая информационную атаку, сам становится ретранслятором информационного воздействия: защищая себя, он отражает информационную волну на свое окружение, своими комментариями многократно усиливая ее поражающий эффект.

13. ВЫБОР РЕФЕРЕНТНЫХ КАНАЛОВ ДОВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Для доведения управляющего воздействия до объекта (мишени) атаки в операциях информационной войны используют только те каналы распространения информации, которым объект доверяет. Такие каналы называются референтными. Именно из референтных каналов объект атаки получает основной поток информации о событиях, происходящих в стране и в мире; именно к этим каналам (источникам) информации он обращается в рабочих и экстренных ситуациях; информацию, поступающую из этих каналов, объект привык считать достоверной, даже если это не так. Информацию, идущую по любым другим каналам, объект просто не воспринимает, не видит и не захватывает.

Если информационный вброс будет осуществлен через нереферентный канал информации, объект на него не среагирует. Более того, вброс пройдет мимо внимания объекта даже в том случае, если в нем содержится компрометирующая информация, разглашение которой представляет для объекта атаки реальную угрозу. В результате, даже располагая качественным, надежным и проверенным компроматом, организаторы информационной атаки могут полностью провалить всю операцию, выбрав не тот канал, обеспечивающий доставку этой информации до «клиента». Это еще раз подчеркивает тот факт, что в информационных войнах мелочей не бывает.

У различных людей референтные каналы получения информации могут быть абсолютно разными. Точнее, у каждого человека есть собственные референтные каналы, которым он доверяет. Во многом доверие к тому или иному каналу определяется не только качеством контента, но и выработанной годами устоявшейся привычкой. Если речь идет о высокопоставленном государственном чиновнике, то, как правило, он получает информацию из внешнего мира из федеральных газет, входящих в президентский пул (таких как «Коммерсант», «Известия» и др.). Этот перечень небольшой, но личные предпочтения чиновника могут свести его вообще к двум-трем источникам, которые чиновник и читает; на изучение других источников у него просто нет времени.

К газетам могут добавляться федеральные телевизионные каналы, особенно, такие, которые чиновники имеют обыкновение крутить в своих кабинетах в режиме нон-стоп. Но и здесь проявляется избирательность, зависящая от конкретных особенностей личности: так, чиновник может игнорировать федеральные сводки новостей на первой тройке каналов (1ТВ, Россия-1 + Россия 24, НТВ), но при этом чутко реагировать на резонансные информационные поводы, появляющиеся в эфире телеканала «Life» или РБК. Есть такие чиновники, которые доверяют только газетам или только федеральным телеканалам. При

этом многие из них активно в качестве источников информации пользуются сетью интернет, но при этом источники из сети не считают релевантными (то есть, заслуживающими доверия).

Исключение составляют чиновники относительно молодого возраста, выросшие в субкультуре смартфонов, планшетов, гаджетов и мобильных приложений. Но даже в этой среде предпочтение отдается довольно узкому кругу источников информации, среди которых могут быть как электронные СМИ, так и блоги, форумы, чаты «живущих в сети» виртуальных профессиональных сообществ.

В категории интернет-источников политической информации особняком стоят крупные международные информационные агентства типа «Блумберг», «AssociatedPress» или российского «Интерфакс», которые часто первыми дают первичную информацию в виде «голой» фактуры. У этой категории источников также есть свой ядерный электорат, в том числе в чиновничьей среде. Но он, вопреки ожиданиям, сравнительно невелик: в референтных источниках чиновники ищут не установочные данные и чистые факты, а готовые решения, возникающие в результате аналитической обработки первичных материалов.

Вместе с тем, довольно большое количество высокопоставленных чиновников вообще не доверяет традиционным СМИ и «новым медиа», а верят только той информации, которую они с определенной периодичностью получают в виде кратких сводок непосредственно из рук своих особо доверенных лиц. В этом случае вброс любой, даже самой резонансной, информации в СМИ не приведет к результату: даже если СМИ подхватят эту тему и начнут комментировать, организаторы информационной операции не получают от объекта атаки ни одной спонтанной, эмоционально окрашенной реакции. Вывести объект на эмоции помешает фильтр, который отсекает любой неформат (далеко не

всякая информация способна вписаться в строгие рамки информационной справки, имеющей свой стиль, формат и максимальный полуторастраничный объём), а также мнение доверенных лиц, способных взглянуть на ситуацию со стороны, спокойно и взвешенно.

В современных информационных войнах эти факторы должным образом учитываются еще на стадии планирования операции, выбора и изучения объекта воздействия, выявления его референтных каналов получения информации о внешнем мире. Под эти выявленные особенности восприятия объектом информации и настраиваются структура, содержание и стилистика информационного вброса, формы визуального, аудиального и кинестетического представления резонансной информации, провоцирующей объект атаки на немедленные эмоциональные действия в публичном пространстве. Если объект предпочитает получать информацию из новостных передач строго определенных телевизионных каналов, вброс будет иметь вид видеосюжета, насыщенного быстро сменяющимися планами, суггестивными приемами и резкими заявлениями разоблачительного характера, «срывающими покровы» с «тайной» политической или личной жизни объекта атаки. Если объект атаки привык читать утренние газеты (за чашкой кофе или первой выкуренной сигаретой) и этот процесс получения политически значимой информации превратился у него в ежедневный ритуал, вброс появится именно в виде газетной статьи или репортажа, с броским, провокационно звучащим заголовком, с вынесенными в отдельные врезки обвинительными выводами. Если объект привык перепроверять информацию, идущую из традиционных СМИ, через ресурсы сети Интернет и при получении первого же сигнала тревоги сразу же лезет в блогосферу — информационная атака на него начнется именно оттуда, а вброс компрометирующей информа-

ции будет осуществлен через блоггеров или лидеров мнений (групп, сообществ) в социальных сетях.

В том случае, если объект атаки является высокопоставленным федеральным чиновником, который не верит никому, кроме очень узкого круга особо доверенных лиц, и получает информацию только из их рук, ситуация с получением доступа к референтному каналу немного усложняется, но не слишком.

Вброс всегда можно осуществить, используя доверенных лиц объекта как ретрансляторов информации: доверенные лица также имеют свои референтные каналы получения информации, на которые можно настроиться. В этом случае вбрасываемая информация обязательно попадет в сводку, лежащую на стол «первому», при этом сам автор сводки приложит усилия для того, чтобы переформатировать вброс под стандарт, с которым привык работать объект атаки (то есть сам тонко настроит вбрасываемую информацию под индивидуальные особенности психики «перво-

го лица», обеспечив точное попадание информационного заряда в цель). Для того чтобы вброс был захвачен вниманием доверенного лица, не обязательно в отношении этого человека проводить отдельную активную информационную операцию: достаточно поместить вбрасываемую информацию в поле зрения интересанта, так, чтобы он не мог на нее не наткнуться, работая с собственными референтными источниками (то есть подставить ее под «клиента»). Тогда он будет считать, что сам лично эту информацию нашел, и поспежит ее донести «первому лицу», причем как можно скорее. В свою очередь, «первый», получив эту информацию из рук особо доверенного лица в виде привычной ему справки, то есть, из собственного рефератного источника, автоматически воспримет ее как достоверную и не станет относиться к ней критически: доверие «первого» к его личному референтному источнику (особо доверенному лицу) перенесется (спроецируется) и на саму полученную из этого источника информацию.

14. КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ИНФОРМАЦИЯ В ВБРОСЕ, ЧТОБЫ ЕЙ ПОВЕРИЛИ

Информация, входящая в вброс, должна быть такой, чтобы ей сразу и безоговорочно поверили, без размышлений. А для того, чтобы ей поверили сразу, она должна быть:

- достоверной;
- полной и точной;
- прийти из компетентного источника.

Как только любому из нас попадает на глаза информационный вброс, к нему сразу возникает несколько вопросов:

- можно ли этой информации доверять? - можно ли доверять источнику, откуда пришла информация?
- можно ли доверять ее природе происхождения и истории попадания в публичное информационное пространство?

- насколько эта информация точно и полно описывает события, о которых в ней идет речь?

Для получения ответов на эти вопросы для любого информационного вброса разрабатывается легенда, объясняющая происхождение содержащейся в нем информации, и эта легенда придается публичности одновременно с самим информационным вбросом. Делается это следующим образом.

Для того чтобы содержащейся в вбросе информации поверили, она должна быть достоверной, или хотя бы выглядеть таковой. В информационных операциях для наполнения информационных вбросов часто используют не факты, которые легко проверить, а сфальсифици-

рованные данные, вокруг которых создается иллюзия достоверности. Эта иллюзия возникает в тех случаях, если:

- информация, до того, как она попала в открытый доступ (в публичное пространство), была секретной, имела гриф и защищалась спецслужбами разливных стран;
- если для того, чтобы эту секретную информацию добыть, потребовалось выкрасть ее из-под надежной защиты, внедрив для этого (с колоссальным риском) опытных агентов спецслужб в кадровый состав организации, хранившей и защищавшей эти секреты;- если в публичный доступ эту информацию, украденную то ли у международных криминальных структур, то ли у влиятельных, высокопоставленных, коррумпированных чиновников-спецслужбистов, выложили люди, обладающие безупречной репутацией настоящие рыцари-идеалисты, без страха и упрека, поставившие себе цель очищения мира от грязных политиков и коррупционеров, ради этого ежедневно рискующие жизнью, которые по определению не могут врать и подсовывать фальсификат.

Другими словами, если нас удастся убедить в том, что содержащаяся в вбро-се информация прежде была секретной и тщательно оберегаемой, но затем была украдена агентами спецслужб и передана людям безупречной честности — идеалистам, которые затем и выложили ее в общий доступ, то этой информации можно доверять.

Действительно, рассуждаем мы:

- информацию долго от нас скрывали — значит, она принадлежит к инсайду, «нет дыма без огня»;
- недостоверную и малоценную информацию секретной не назовут и защищать не будут;

- агенты специальных служб действительно могут выкрасть ценную информацию, преодолев любые степени защиты; кроме того, за информацией, не представляющей особого интереса, спецслужбы своих агентов просто так не пошлют;
- благородные рыцари-идеалисты, предавшие публичности эту информацию ради разоблачения коррупционеров, «жуликов и воров», никогда не предадут огласке фальсификат: это невозможно, поскольку противоречит их принципам, ценностям и убеждениям. Таким образом, информации, полученной из «чистых рук», переданной из благородных побуждений, из желания сделать мир чище, невозможно не верить.

И мы довольно часто воспринимаем такую информацию на веру, доверяя предлагаемой нам легенде ее происхождения, дающей, на первый взгляд, исчерпывающие ответы на все возникающие у нас вопросы. Между тем, мало кто при этом задумывается, что верить и доверять предлагаемой информации — это далеко не одно и то же. Особенно, если информация носит ярко выраженный эмоционально окрашенный, вирусный, резонансный характер, и все «факты», и детали, содержащиеся в ней, подобраны именно для усиления резонансного эффекта.

Следующий вопрос, ответ на который всегда содержится в легенде происхождения вбрасываемой информации, касается компетентности ее предполагаемого источника происхождения. Для того чтобы информации можно было доверять, источник ее происхождения обязательно должен быть компетентным: иметь доступ к сведениям такого уровня секретности, представленным в вбро-се; иметь прямое отношение к той сфере деятельности, к которой относятся сведения, содержащиеся в информационном

вбросе;- обладать, по роду служебной деятельности, эксклюзивом, способным, в случае утечки в публичное пространство (случайной или преднамеренной), вызвать грандиозный резонанс с далеко идущими последствиями (вплоть до политических кризисов и отставок).

Очевидно, что информация о новых секретных разработках Минобороны США в области высокоточных вооружений может выглядеть достоверной, но если она придет из источника, не обладающего должным уровнем компетенции (например, из Конституционного суда), никто ей не поверит. Точно также никто не будет верить словам рядового сотрудника ЦРУ, разоблачающего глобальные планы своего высшего руководства: он просто не может их знать, его реальная степень осведомленности ограничивается узким набором частных тем. Для того чтобы вбрасываемой информации действительно поверили, причем сразу и безоговорочно, источником происхождения вбрасываемой информации обычно назначают органы государственной власти высшего эшелона, такие как:

- ▶ Администрация Президента США;
- ▶ Государственный департамент США;
- ▶ Разведывательное сообщество США в целом, возглавляющий его Совет национальной безопасности, ЦРУ или ФБР, в частности;
- ▶ Конгресс (Сенат или Палата представителей) США.

Действительно, сомнения в реальной компетенции любого из перечисленных выше ведомств, как правило, не возникают. Для того, чтобы окончательно закрепить эффект сформировавшегося доверия к источнику происхождения информации, довольно часто прямо заявляют, что те или иные «секретные сведения» были переданы журналистам «высокопоставленными сотрудниками Госдепа» или спецслужб, в силу известных причин «пожелавших остаться неизвестными».

В тех случаях, когда содержащаяся во вбросе информация касается нелегальной коммерческой деятельности высокопоставленных зарубежных чиновников, например, их счетов в швейцарских банках или в офшорах, в качестве компетентного источника происхождения информации указывают крупную международную частную структуру (компанию, корпорацию), предоставляющую своим влиятельным клиентам эксклюзивные услуги особой степени деликатности. Именно в такой роли в операции, получившей название «Дело о панамских офшорах» («Панамское досье»), выступила крупная непубличная панамская юридическая компания «Mossack Fontesa», обслуживавшая офшорные операции, услугами которой, как выяснилось, пользовались высокопоставленные чиновники со всего мира, в том числе главы некоторых государств и их особо доверенные лица. Эта компания действительно могла иметь детальные досье на множество мировых политиков, пользовавшихся в разное время ее услугами для вывода или легализации собственных капиталов.

И хотя «Mossack Fontesa» так и не признала факт кражи у нее части особо охраняемых материалов, связанных с офшорными счетами влиятельных политиков и бизнесменов, вряд ли кто-нибудь хоть раз усомнился в том, что она действительно может обладать подобного рода досье. А раз может обладать, то может и утратить — при определенных обстоятельствах, конечно.

Легенда о происхождении вбрасываемой информации всегда включает в себя объяснение того, как именно защищаемая государственными спецслужбами (типа ЦРУ, ФБР, АНБ, БНД, МИ5, СИС) или службами безопасности и разведки частных корпораций (таких как «Mossack Fontesa») информация попала в публичное информационное пространство, оказалась в открытом доступе. Следуя законам формальной ло-

гики, произойти это могло только в результате кражи. Именно этот механизм транзита секретной информации от ее первоначальных владельцев к идеалистам-правозащитникам, предающим информацию огласке, присутствует во всех без исключения легендах, объясняющих происхождение сведений, содержащихся в вбросе. В истории с вбросом все оказывается предельно просто: секретную информацию выкрали и затем передали правозащитникам для ее публичной огласки, что здесь непонятного? Все ясно как день. Именно поэтому легенде о том, что секретная информация была украдена, как правило, хочется верить, не вдаваясь в подробности. Ведь кража — это вполне естественно. При этом в роли вора и взломщика, как правило, выступают либо сотрудник спецслужбы другого государства, внедрившийся в кадровый состав соответствующего разведывательного ведомства (всем известно, что спецслужбы воруют друг у друга секреты — в этом и заключается основная часть их работы), либо предатель, крот, перебежчик, передающий секретную информацию в целях ее публичной огласки ради месть, из чувства обиды или за денежное вознаграждение.

Типичным примером первого случая является агент германской разведки БНД, внедрившийся в панамскую юри-

дическую компанию «Mossack Fontesa» и выкравший большой объем документов, касающихся офшорных операций ее клиентов; примером второй ситуации является перебежчик Эдвард Сноуден, бывший сотрудник американской АНБ.

Последний вопрос, которым задаются обыкновенные граждане, обратившие внимание на информационный вброс, это — насколько содержащаяся в вбросе информация полно и точно описывает те или иные события и характеризует участвовавших в них официальных лиц. Как правило, этим вопросом в обычной ситуации вообще не задаются — вброс по своей структуре наполнен вирусным или клиповым контентом, который воздействует на эмоциональную сферу, фокусируя внимание на испытываемых человеком чувствах и переживаниях, но не на деталях, фактах, подробностях. Подсознательное стремление многих людей обладать «тайными знаниями», инсайдом, обнажающемся при «срывании покровов» с тайной жизни объекта атаки, формирует у внешнего наблюдателя настоятельную потребность верить в достоверность инсайда, отменяя рациональные доводы и аргументы.

Эту особенность восприятия информации и используют в своих оперативных комбинациях организаторы и технологи операций информационной войны.

15. ОПЕРАЦИИ ПО ЛЕГАЛИЗАЦИИ ВБРАСЫВАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Для придания достоверности вбрасываемой информации в современных операциях информационной войны используются так называемые «операции по легализации вбрасываемой информации». По своей природе и функциям это — операции прикрытия (так они называются на языке разведки), придающие вбрасываемой информации вид достоверности, объясняющие ее происхождение (где она хранилась, как попала в руки ее теперешних владельцев) и от-

вечающие на вопрос о том, из какого источника она пришла — компетентного или сомнительного.

В современных операциях информационной войны вбросы компрометирующей информации никогда не попадают в информационное пространство без сопровождения — только в рамках проводимой одновременно с вбросом операции прикрытия (операции по легализации вбрасываемой информации). Операция по легализации вбрасываемой

информации сопровождается информационный вброс всегда.

В современных операциях информационной войны используется три основных вида операций легализации вбрасываемой информации:

- операции «контролируемой утечки» секретной информации;
- публичные заявления, сделанные от имени пожелавших остаться неназванными официальных лиц;
- публичные заявления уполномоченных официальных лиц (президентов, премьеров, глав национальной разведки и др.).

Среди названных выше операций легализации вбрасываемой информации операции «контролируемой утечки» являются наиболее распространенным видом операций прикрытия. Сам же термин «контролируемая утечка» в информационные войны пришел из разведки.

«Контролируемая утечка» (на языке разведки) — это специальная разведывательная операция, цель которой — дезинформация противника путем передачи ему под видом достоверной информации заведомо ложных или специально сфабрикованных под конкретную задачу сведений секретного характера, путем создания иллюзии случайной утраты этих сведений секретносителями из-за проявленных ими халатности или неосторожности.

В разведывательных операциях такого типа секретные сведения умышленно теряются секретносителем (забываются в гостиничных номерах, теряются по пути следования и т.д.), либо остаются на некоторое время без присмотра и в этот самый момент становятся достоянием третьих лиц (журналистов, аккредитивных на секретном объекте, установленных разведчиков противника или их агентуры, и др.), которые затем и придают их огласке, организовав вброс в информационное пространство. Реже сфабрикованными сведениями секрет-

ного характера «накачивают» кадрового сотрудник спецслужб, уже совершившего акт предательства или только еще собирающегося стать перебежчиком (пример — Эдвард Сноуден) и затем дают ему уйти за рубеж, предварительно слегка спугнув.

Заявления от имени псевдоофициальных лиц (анонимов, выдающих себя за высокопоставленных чиновников Государственного департамента США или ЦРУ, пожелавших остаться неизвестными) также широко используются в целях легализации содержимого информационных вбросов.

Схема этой операции предельно проста: журналисты одного из рейтинговых телевизионных каналов (такого, например, как CNN или SkyNews) выпускают в эфир сюжет, связанный с резонансными расследованиями и разоблачениями, в котором они выдвигают обвинения против объекта информационной атаки, ссылаясь на секретные сведения, переданные им неназванными высокопоставленными сотрудниками Госдепа или Разведывательного сообщества США, пожелавшими при этом (в силу вполне известных причин) остаться неизвестными.

Внешне в этих операциях все выглядит логично и заслуживающим доверия:

- журналисты публикуют сведения, полученные от собственных компетентных источников, личные данные которых они имеют полное право не раскрывать (особенно, в том случае, если речь идет о передаче этими источниками журналистам секретной информации, за которой охотятся спецслужбы);
- в компетентности и осведомленности высокопоставленных сотрудников Государственного департамента США или разведки никто не станет сомневаться, с этим обычно соглашаются по умолчанию;
- нежелание конфиденциальных источников раскрывать себя также

представляется понятным и обоснованным, так как их раскрытие может привести к немедленному аресту по обвинению в госизмене: передав журналистам секретную информацию, охраняемую государством, они совершили, как минимум, серьезное должностное преступление. Кроме того, если конфиденциальным источником является оперативный сотрудник разведки, то его публичное выступление неминуемо приведет к «засветке» как его самого, так и его агентуры, и такого человека надо будет срочно удалять с оперативной работы, а агентуру, находящуюся у него на связи, спасать всеми доступными способами.

Вместе с тем, в том случае, если зритель по каким-то причинам не поверит предлагаемой ему легенде и захочет убедиться в правдивости сообщаемой телеканалом информации лично, пожелав увидеть самих источников (для того, чтобы убедиться хотя бы в том, что они реально существуют и не выдуманы журналистами телеканала), то его ждет большое разочарование: выясняется, что увидеть персоналии, на показания которых опираются журналисты, нельзя — доступ к ним запрещен. В результате получается, что нас убеждают в том, что эти личности реально существуют и дают разоблачительные показания; но проверить сам факт их существования нет никакой возможности. В этой ситуации становится понятно, что журналисты фактически выступают от имени анонимов, которых, возможно, не существует вовсе, а информацию, вбрасываемую в публичное пространство от их имени, на самом деле никто не крал: ее подготовили сотрудники специальных служб, заинтересованных в организации «контролируемой утечки». Примером проведения такого рода операции может служить история возобновления

расследования «дела Литвиненко», толчком к которому послужили заявления, сделанные журналистами британского телеканала СкайНьюс от имени высокопоставленных сотрудников американской разведки (пожелавших остаться неизвестными).

В отдельных случаях для легализации вбрасываемой информации используются официальные заявления уполномоченных официальных лиц (президентов США Д. Трампа, Б. Обамы, госсекретаря Д. Керри, официального представителя Администрации Президента США Д. Кёрби и других лиц, облеченных властью).

Принцип действия этой операции также предельно прост: официальное лицо уровня президента страны или его заместитель от своего лица заявляют, что та или иная вброшенная в публичное пространство информация — правдива, достоверна и получена от компетентного источника. При этом они как бы ручаются своим весом, авторитетом и репутацией за достоверность сведений, содержащихся в вбросе, и призывают поверить им на слово. И очень многие им сразу же верят, считая, что:

- ▶ столь высокие чиновники, облеченные колоссальной властью и не менее колоссальным доверием избирателей, просто в принципе не могут публично говорить неправду;
- ▶ президенту виднее, что происходит в стране и в мире на самом деле («жираф большой — ему видней»).

Делая с высоты своего официального положения публичные заявления о правдивости того или иного вброса, такие фигуры, как президент или госсекретарь США, выглядят чрезвычайно убедительно; их вес передается той информации, правдивость которой они отстаивают. Между тем, высокое положение вовсе не гарантирует безупречности: даже президенты такой великой державы как США могут сознательно

идти на подлог, обманывая свой народ. Таких примеров немало: президент У. Клинтон и госсекретарь Х. Клинтон ввели Конгрессу США, находясь под присягой; госсекретарь К. Паулз сознательно ввел в заблуждение Совет Безопасности ООН, выдав за химическое оружие продемонстрированную им пробирку с обычным белым порошком (мукой или моющим средством); и т.д.

В этом плане, когда президент США Б. Обама, выступая 24 сентября на Генераль-

ной ассамблее ООН, публично заявил, что Россия, вирус Эбола и ИГИЛ представляют собой равные угрозы «свободному миру», а госсекретарь Д. Керри сделал заявление о том, что Б. Асад и ИГИЛ — союзники, очень многие сразу верят заявлениям этих высокопоставленных политиков, не вдаваясь в содержание и детали, не включая критическое мышление и не пытаясь проверить сказанное высокими государственными чиновниками на элементарное соответствие здравому смыслу.

16. ВИДЫ ОПЕРАЦИЙ «КОНТРОЛИРУЕМОЙ УТЕЧКИ»

В свою очередь, операции «контролируемой утечки» информации делятся на четыре вида:

- ▶ операция утечки, реализованной путем провоцирования журналистов на кражу секретных материалов, с которых в этот момент снимается защита «от взлома» и они на время становятся доступными для потенциальных похитителей;
- ▶ технологии класса «WikiLeaks», предусматривающие маскировку заведомо ложных (сфабрикованных) сведений в большом потоке

подлинных, но малоценных документов;

- ▶ операции типа «перебежчик» (типичный пример такой операции — побег Э. Сноудена и история с его преследованием);
- ▶ операции легализации вбросов через механизм публичных дебатов (технологии класса «Псаки-Метью Ли»).

При этом на практике наиболее часто встречается именно первый тип операций, основанный на провоцировании кражи секретных сведений.

17. ПРОВОКАЦИЯ КРАЖИ СЕКРЕТНЫХ СВЕДЕНИЙ

Операции «контролируемой утечки», организуемые путем провоцирования журналистов на кражу секретных сведений и материалов, свидетельствующих о той или иной стороне деятельности высших органов власти или спецслужб — одни из самых распространенных инструментов дезинформации и манипулирования общественным мнением. В основе операции лежит довольно простая исходная схема: заранее заготовленные «секретные» материалы (папки или файлы), перемешанные — для создания иллюзии достоверности — с другими (подлинными, но малоценными) материалами, вводят в поле зрения журналистов, которых эти материалы

не могут не притягивать из-за содержащейся в них эксклюзивной информации о деятельности высших органов власти или спецслужб, инсайда, компромата на лиц, стоящих у власти, сведений разоблачительного характера, которыми всегда располагает разведка.

Статус особой важности и высокой степени секретности придает этим материалам еще большую притягательность. Для того, чтобы журналисты смогли этими материалами негласно воспользоваться, им на время облегчают доступ на секретные объекты, где журналисты случайно могут наткнуться на кем-то забытую секретную папку или включенный компьютер с секретными файлами;

легендой для такого проникновения в особо охраняемую зону могут служить различные программы государственно-частного партнерства, предусматривающие временную аккредитацию журналистов при главных офисах спецслужб для «более объективного и всестороннего освещения деятельности органов безопасности, формирования позитивного имиджа разведки» и т.д. Одновременно с этим и с документов, подставляемых под кражу, временно снимается защита «от взлома»; в результате они на время становятся доступными для потенциальных похитителей. Затем остается только создать ситуацию, при которой журналист, пребывающий на охраняемом объекте (например, в штаб-квартире АНБ) на законных основаниях (имея аккредитацию и необходимые формы допуска), физически состыковывается с секретными папками, случайно забытыми на рабочем столе нерасторопным сотрудником спецслужб, забывшем, к тому же, уходя. Запереть свой кабинет на ключ.

В результате секретные папки или файлы оказываются в руках любопытных журналистов, которые, ознакомившись с их содержанием, тут же открывают для себя много нового. После чего у журналиста возникает непреодолимое желание и даже жизненно важная потребность придать эти материалы публичной огласке, причем как можно скорее. Причина этой спешки понятна: надо опередить конкурентов, которые тоже могут узнать о том, как на самом деле эффективно спецслужбы борются с терроризмом, сколько терактов предотвратили и куда идут огромные деньги, ассигнованные Конгрессом, бесследно растворившиеся в тайных операциях разведки за рубежом.

Так журналисты, как правило, и поступают. Разведка, у которой эти сведения украли, тут же заявляет о том, что утечка секретных сведений поставила под угрозу национальную безопасность, а журналисты, выкравшие эти сведения

из-под бдительного ока спецслужб, совершили особо тяжкое государственное преступление. Спецслужбы, в свою очередь, «узнав» из газет о краже, приходят в ярость и начинают журналистов преследовать: ставят их телефоны на прослушивание (скрытое документирование), засыпают угрозами и т.д. Мало того, штатные костоломы особо отталкивающей наружности устремляются в погоню за удачливыми журналистами и так их пугают своим появлением, что журналисты всерьез начинают верить в то, что их жизни угрожает смертельная опасность: спецслужбы решили их «убрать», разумеется, во внесудебном порядке. Это еще больше убеждает журналистов и общество, в которое они выстреливают разоблачительные статьи, обличающие спецслужбы, в том, что сведения, попавшие в руки журналистов — действительно особо важные, достоверные и секретные, раз спецслужбы так взбесились и готовы пойти на все, в том числе на уголовное преступление. Ради того, чтобы эти секретные папки вернуть.

Значит, этим сведениям можно верить, причем — сразу и безоговорочно. Тем самым обеспечивается прикрытие и легализация вбрасываемой по указанному каналу информации. Типичным примером такого рода операции является разразившийся в 2015 году в США скандал, связанный с американскими журналистами, аккредитованными при ЦРУ и укравшими документы о проведенных ЦРУ успешных тайных антитеррористических операциях, в том числе, по устранению лидеров террористических ячеек ИГИЛ, Талибана и Аль-Кайды. Вся украденная журналистами информация, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении свидетельством высокой эффективности работы ЦРУ, была вброшена в публичное пространство накануне слушаний в Конгрессе, посвященных увеличению ассигнований ЦРУ на антитеррористическую деятельность.

Сами же журналисты, обвиненные в государственной измене, едва не получили реальные тюремные сроки; некоторых из них (по их собственным заявлениям)

в горячке преследования и травли спецслужбы едва не ликвидировали (опираясь на советующие нормы «Патриотического акта»).

18. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ЗАЩИТЫ

В связи с обострившейся угрозой применения в России технологий цветных революций и новыми информационными атаками против первых лиц российского государства, можно со всеми основаниями утверждать, что:— информационная война в течение избирательного цикла 2018 года будет только нарастать;

- мишенью информационных атак будут поочередно становиться президент, премьер, доверенные лица президента;
- информационные атаки на президента по-прежнему будут отражаться, в основном, импровизациями, при этом по мере приближения выборов 2018 года эти импровизации будут все менее удачными;
- нарастающее информационное давление со стороны США по поводу так называемых «атак российских хакеров» и обвинения во вмешательстве РФ во внутренние дела США свидетельствуют о том, что значение оперативной составляющей в отражении информационных атак противника стремительно возрастает, превалируя над чисто техническими методами. Противодействие информационным операциям противника — это оперативные комбинации, сочетающие в себе организационные и информационные (информационно-психологические) методы воздействия.

В этих условиях для отражения новых информационных атак, направленных на первых лиц государства, было бы целесообразно сформировать общегосударственную систему информационных

операций, основными задачами которой станут:

- обеспечение информационной безопасности первых лиц государства, отражение информационных операций и атак, направленных на первых лиц (президента, председателя правительства, др.), планирование и реализация собственных операций и контропераций информационной войны;
- обеспечение собственной информационной и психологической безопасности руководства (защита от информационных атак, в том числе внутренних, мониторинг и разведка в информационном пространстве, выявление угроз и признаков подготовки информационных атак и кампаний и др.);
- контридеологическая и контрпропагандистская борьба с идеологами цветных революций, в том числе в социальных сетях;
- выработка эффективных средств противодействия технологиям конфликтной мобилизации молодежи для участия в протестном движении;
- мониторинг политической активности и протестных настроений в информационном пространстве (в том числе, выявление признаков подготовки цветной революции или применения «цветных» технологий политической дестабилизации, конфликтной мобилизации, вербовки в социальных сетях).

Создание такой структуры является своевременным, в первую очередь, потому, что ни в одной из силовых структур

такой структуры еще нет, но идет активная проработка планов ее создания.

Результаты деятельности системы информационных операций всегда будут в центре внимания руководства страны,

которое вынуждено отражать многочисленные информационные атаки, не имея для этого специализированного аппарата и надежного технологического инструментария.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При всей своей опасности, информационные войны все же не являются «смертельным оружием»: в этой войне побеждает тот, кто умеет предсказать действия своих противников на несколько шагов вперед. И затем нанести удар, который не ожидают. Как в Сирии [4]. В этом плане особого внимания заслуживает деятельность российских каналов инновещания, таких как RT и радио «Спутник», которые успешно доводят российскую точку зрения до зарубежных (в том числе западных) аудиторий:

RT смотрят даже в США, что вызывает озабоченность Государственного департамента. Не случайно Дж. Керри, выступая в Конгрессе два года назад, заявил, что «русские СМИ работают настолько эффективно, что они уже влияют на формирование общественного мнения в самих Соединенных Штатах», и «нам надо создать такие же СМИ, способные противостоять русской пропаганде» [5]. Это, на наш взгляд, лучшая оценка эффективности российских СМИ, противостоящих западной пропаганде.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / под ред. П.А. Цыганкова. — М.: Издательство «Русайнс», 2015. — 280 с. ISBN 978-5-4365-0454-4 DOI 10.15216/978-5-4365-0454-4
2. Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века / Под редакцией П.А. Цыганкова / В. А. Ачкасов, В. К. Белозёров, А. В. Будаев и др. — Издательство Московского университета Москва, 2015. — С. 384.
3. Гришин В.И., О.А. Гришина, И.В. Яблочкина, А.П. Кошкин, А.И. Гушер, Манойло А.В., И.В. Бочарников. Сирийский геополитический излом. Роль России в нейтрализации террористической угрозы ИГ. / Под. ред. А.П. Кошкина. Вып. 4. — М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2015. — 68 с.
4. Мягкая сила в мировой политической динамике / И. А. Чихарев, О. В. Столетов, А. В. Будаев и др. — «Известия» Москва, 2015. — 207 С.
5. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. — М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. — 306 с.
6. Что надо знать о «цветных революциях». Учебное пособие для студентов вузов / Т. В. Евгеньева, А. Б. Ананченко, М. В. Астахов и др. — МПГУ Москва, 2016. — 136 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИИ И СЕТИ — НОВЫЙ ИНТРУМЕНТ ДЛЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Павлова М.П.

*Ассистент, кандидат политических наук
Университет библиотековедения и информационных технологий
София, Болгария
Эл. почта: m.pavlova@unibit.bg*

Аннотация. Новые информационные технологии и в частности Интернет радикально меняют способы распространения сообщений среди широкой общественности. В XXI веке на практике каждый человек может публиковать и распространять сообщения, и в результате может привлечь большую аудиторию. Террористические организации эффективно используют социальные сети для распространения своей идеологии и для привлечения новых бойцов со всего мира. В этой статье рассматривается, как террористические группы, и в частности „Исламское государство“, используют потенциал новых технологий для террористических целей. Необходимо изучить и проанализировать это явление, поскольку кибер-оружие и террористическая пропаганда столь же опасны, как и традиционные военные действия.

Ключевые слова: терроризм, социальные сети, Интернет, пропаганда.

Pavlova M.

*Chief Assistant Professor State university of library studies
and information technologies
Sofia, Bulgaria*

SOCIAL MEDIA AND NETWORKS — THE NEW TOOL FOR TERRORISTIC ORGANIZATIONS

Abstract. The new information technologies and especially the Internet are changing radically the way that messages reach to the general public. In the 21st century, in practice, each individual can publish and disseminate messages, and in a result can attract audiences from many people. Terrorist organizations well understand and effectively use social media and networks to spread their ideology and recruit new fighters from all over the world. This article describes how terrorist groups, and in particular the Islamic state, use the potential of new technologies for terrorist purposes. It is necessary to study and to analyze this phenomenon, because cyber weapons and terrorist propaganda are as dangerous as the real military action.

Key words: terrorism, social media, Internet, propaganda.

Сегодня мы являемся свидетелями появления новых организаций, представляющих собой угрозу современной международной системе. Одним из таких субъектов является террористическая организация «Исламское государство». Эта квазигосударственная структура контролирует большие территории с многочисленным населением и в то же время обладает боеспособной армией, готовой вести военные действия. Ее стратегической целью является создание всемирного исламского халифата, охватывающего обширные территории не только в Сирии, Ираке, Ливане, Израиле, Палестине, но и территории ев-

ропейского континента, которые в прошлом были населены мусульманами — такие, как Испания и Балканы, а также и другие мусульманские страны — Турция и Кавказ.

Исламское государство на самом деле является субъектом международных отношений, который остается непризнанным во всем мире, а его идеология — фундаменталистская. Доказательством тому является то, что его действия осуждают представители и традиционного ислама, и международных организаций, как Организация Объединенных Наций, которая приняла Резолюцию по борьбе с этой террористической группой.

Когда анализируется «Исламское государство», необходимо учесть некоторые особенности: его геополитические цели, идеологическую основу и психологические методы привлечения новых членов. В основе его деятельности и экспансии лежит продуманная и проанализированная идеологическая основа. Идеология «Исламского государства», — это салафизм. Важно отметить, что для салафитов не существует разницы между понятиями «государство» и «религия». Все решения основаны на строгом соблюдении шариата, идеологически навязанного населению в районах, контролируемых исламистами. Идеология исламского государства похожа на идеологию других террористических организаций, таких как «Аль-Каида», но есть также некоторые существенные различия в методах и средствах этих двух групп.

На самом деле идеология салафитов основана на идее возвращения ислама в его «чистую форму», то есть в ислам, который существовал во времена наследников пророка Мухаммеда, отвергающий любые последующие дополнения. Одной из основных характеристик салафизма является возможность ведения вооруженного джихада против мусульман, которые не разделяют их убеждений и считают их обманутыми и даже немусульманами. Сторонники этой исламской позиции ставят под большую угрозу стабильность и безопасность не только страны, на территории которой они действуют, но и международное сообщество.

Тексты и речи «Исламского государства» несут четкие сообщения. Они также подчеркивают ряд доктринальных концепций. Исламское государство в своей пропаганде использует множество методов, легко подкрепляющих мировое присутствие организации: жестокость, милосердие, саможертву, войну, принадлежность и утопию. Все эти методы используются для достижения стратегических целей. Например, жесто-

кость в сочетании с покаянием и милосердием является отличительной чертой их пропагандистского материала. Тема утопии в посланиях Исламского государства является наиболее значимой после жестокости. Пропагандисты называют утопию — это халифат, основополагающий элемент идеологии группы. Террористическая группа весьма эффективным способом отправляет свои послания к международной аудитории. Социальные сети и медиа являются основным инструментом группы как для распространения ее идей, так и для привлечения новых членов. Она использует Twitter, Facebook и другие платформы социальных сетей. С 2014 по 2015 гг., когда она впервые захватила территории в Сирии и Ираке, она проявила впечатляющую онлайн-активность. Предполагается, что «Исламское государство» и его сторонники имеют сотни тысяч профилей. Они используют профессиональные видеоклипы, рекламы, графики и статьи с целью убедить людей во всем мире, что их джихад обоснован. Однако не все материалы, которые они публикуют, являются жестокими. Боевики Исламского государства прилагают большие усилия, чтобы сделать их халифат похожим на исламский рай. Террористическая группа публикует фотографии парков, счастливых детей, продуктов питания и домашних любимцев, чтобы привлечь людей присоединиться к ним. Другая их большая цель, которой они стремятся достичь через социальные сети — заставить людей обратиться против западного мира. Они публикуют пропагандистские материалы, изображающие их противников в негативном свете, чтобы сделать войну джихада более надежной и оправданной. Они считают, что если население западных стран возненавидит свою страну, тогда оно примет меры поддержать «Исламское государство», как например, совершенные террористических нападений или поездки в Сирию и Ирак. Например, из

официального профиля отправляются жестокие сообщения, как: «Если Соединенные Штаты Америки бомбардируют Ирак, то каждый их гражданин для нас становится целью».

Сегодня социальные сети работают над тем, чтобы удалить профили, связанные с террористическими группами, и через которые распространяются экстремальные сообщения и речи. В августе прошлого года Твиттер (Twitter) решительно осудил использование его платформы террористическими организациями и подчеркнул свою приверженность к устранению профилей, пропагандирующих насилие или терроризм. В своем десятом докладе о прозрачности социальная сеть показала, что с 1 августа 2015 года по 31 декабря 2016 года она прекратила приблизительно 636 248 профилей террористов. В декабре прошлого года Twitter, Microsoft, Facebook и Youtube объявили себя сторонниками создания общей отраслевой базы данных с целью помочь идентифицировать содержание, связанное с терроризмом и распространением экстремистской пропаганды.

Несмотря на то что мировое сообщество работает в этом направлении, террористические организации также обладают большими способностями. Более того, директор Европола Роб Уэйнрайт рассказал в интервью, что сторонники Исламского государства разрабатывают собственную социальную сеть. Он отмечает, что эта новая платформа является ответом на работу таких компаний, как Google, Facebook и Twitter, для удаления экстремистского материала.

Террористические организации, в частности, «Исламское государство», умело используют возможности новых информационных технологий. Несмотря на сокращение захваченных территорий, террористическая организация укрепила свои позиции в Интернет-сфере. Она создала хорошую медиа-структуру и эффективно использует социальные сети и меди для распространения своих экстремистских идей. В социальных сетях террористы Исламского государства почти беспрепятственно распространяют свою пропаганду и своими сообщениями, видео-материалами и фотографиями вселяют страх в международное сообщество.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Босакова К., Павлова, М., Культура на киберсигурност при е-управление по примера на Австрия. Сборник с есета на участници в дискусионен форум „Младите и сигурността“ — София. 2017. Авангард прима. С. 103-105.
2. Павлова, М., Импиджови аспекти на информационната война, „За Буквите — о писменех“, София, 2016, ISBN 978-619-185-248-2.
3. Berger, J., Morgan, J., The ISIS Twitter Census Defining and describing the population of ISIS supporters on Twitter. The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. No. 20, March 2015.
4. Ingraham, N., ISIS created its own social network to spread propaganda. URL: <https://www.engadget.com/2017/05/04/isis-created-its-own-social-network-to-spread-propaganda/>.
5. Kramer, M., Coming to Terms: Fundamentalists or Islamists? Middle East Quarterly. Spring 2003, pp. 65-77.
6. Miller Gr., Mekhennet S., Inside the surreal world of the Islamic State's propaganda machine. November, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/inside-the-islamic-states-propaganda-machine/2015/11/20/051e997a-8ce6-11e5-acff-673ae92ddd2b_story.html?utm_term=.f235109b62e6. (10.06.2017)
7. Pavlova, M., Image aspects of information warfare. „Zabukvite-o pismeneh“. Sofia, 2016. ISBN 978-619-185-248-2.
8. Winter, C., The Virtual 'Caliphate': Understanding Islamic State's Propaganda Strategy, July 2015, ISBN: 978-1-906603-11-4 pp. 22-25.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В США

Карпович О.Г.

*д.ю.н., д.полит.н., профессор,
Российская таможенная академия
Эл. почта: iskran@yahoo.com*

Булавин А.В.

Дипломатическая академия МИД РФ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос соотношения прав человека и национальной безопасности в США, степень обоснованности ограничений.

Ключевые слова: национальная безопасность, США, терроризм, права человека, риски, конгресс, доктрина.

Karpovich O.

*Doctor-at-Law, Doctor of Political Science, professor
Russian customs academy*

Bulavin A.

*Diplomatic academy, Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation*

HUMAN RIGHTS AND SOME ISSUES OF NATIONAL SECURITY IN THE UNITED STATES

Abstract. In the present article, there is an analysis of the ratio of human rights and national security in the USA and all matters with regard to their restriction.

Key words: national security, USA, terrorism, human rights, risks, congress, doctrine.

Государственность Соединенных Штатов Америки фактически была основана на провозглашении верховенства неотъемлемых и основополагающих прав и свобод человека. Истоки стремления к независимости от Великобритании обуславливались ни межконфессиональными или межрелигиозными противоречиями, ни ограничениями на пути развития этнокультурного плюрализма, что было присуще в борьбе с сепаратистскими и национально-освободительными движениями, а в том, что верховная власть Великобритании ущемляла права и свободы американского населения, всячески покушаясь на частную собственность и благосостояние населения тринадцати американских колоний.

Принципы соблюдения прав и свобод граждан стали активно популяризи-

роваться и проецироваться во внешнеполитическом курсе в тот же период (в конце XVIII в.). После провозглашения независимости США от Королевства Великобритании американцы приняли за константу тезис о том, что их государство обладает исключительной ролью «локомотива» для большинства мировых государств, в части обеспечения и соблюдения основополагающих прав и свобод граждан.

Важно отметить, что данная идеологическая нагрузка находит свое отражение на всех уровнях обязательных образовательных программ в США, тем самым, становясь, ключевым звеном в формировании политического сознания американского народа, независимо от этнокультурных, религиозно-конфессиональных и социально-экономических детерминант.

Как известно, 6-й Президент США Дж. К. Адамс следующим образом охарактеризовал «особую миссию» Америки: «Повсюду, где уже развернулось или будет развернуто знамя свободы и независимости, там будет ее сердце, ее благословение и молитвы. Но она не устремлена за свои рубежи в поисках чудовищ, чтобы уничтожить их. Она желает свободы и независимости для всех, не ущемляя никого. Она отстаивает и защищает лишь свое» [1].

Примечательно отметить, что в контексте интенсивного распространения идей прав и свобод граждан, как центральной внешнеполитической доктрины, в 1849 г. сенатор от штата Мичиган Л. Касс, предложил комиссии по иностранным делам Сената США рассмотреть в особом порядке вопрос о возможности разрыва дипломатических отношений с Австрией, и этим выразить в адрес последней ноту протеста, в связи с кровавым подавлением венгерского национально-освободительного движения в 1848 г [2]. Идея спровоцировала серьезные дискуссии, уже в то время можно было усмотреть недвусмысленные геополитические пристрастия США на мировое политическое лидерство.

Итоги Первой мировой войны ещё раз показали, что преступления против человечности являются грубыми нарушениями прав человека на собственную жизнь и свободу, и то, что эти проблемы носят глобально значимый характер, касаются всех без исключения. Таким образом, вопросы прав человека и их соблюдения не могут рассматриваться как исключительно внутреннее дело той или иной страны. Эти обстоятельства подвели к выработке концептуальных идей и предложений по международно-правовому закреплению норм и форм защиты прав и свобод людей.

Так, на VIII Международной конференции американских государств в 1938 г. была принята резолюция «в за-

щите прав человека». «Четыре свободы», предложенные Ф.Д. Рузвельтом в 1941 г. и легшие в основу американской внешнеполитической доктрины, и поныне рассматриваются американцами в качестве канона гражданских прав и свобод. В них были отражены: свобода слова и вероисповедания, свобода от нужды и свобода от страха [3].

Подписанная странами антигитлеровской коалиции, в ходе Первой Вашингтонской конференции 1 января 1942 г., «Декларация Объединенных Наций», призывала к необходимости победы, в том числе, в целях «сохранения прав и свобод человека». А ст. 55-56 Устава ООН (вступившего в силу 24 октября 1945 г.) включили в себя обязательства государств-членов по совместным и самостоятельным усилиям в обеспечении, уважении и защите прав человека.

Центральной идеей американского внешнеполитического вектора становится «протекционистская политика граждан». Власти США фокусируют внимание на защите прав и свобод своих граждан от реальных и предполагаемых угроз. Постепенно распространяется мысль о превосходстве американского гражданства.

Стоит отметить, что содержательная часть подобной доктрины, формирующей внешнеполитический курс на основе частных интересов, вызвало отторжение у существенной части американского населения. В. Вильсон подчеркивал: «Безразличие официальных кругов к советским диссидентам, символом которого стал отказ в 1975 г. президента Форда принять Солженицына, казалось, указывало на моральную пустоту в самой сердцевине американской внешней политики» [4].

Во второй половине 1970-х гг. активная борьба против «коммунизма» стала приобретать сомнительные и неоправданные очертания. Многие люди не только в отсталых и бедных стра-

нах «третьего мира», но и в развитых странах Европы стали проводить сравнение между капитализмом и социализмом, выявляя значительно больше положительных качеств и свойств в последнем. Американским идеологам по существу нечего было противопоставить тому, что в СССР и других странах социалистического лагеря нет безработицы и инфляции, бесплатное жилье, образование и медицина. Они стояли перед необходимостью выработки той ценностно-идеологической ниши, на базе которой представлялось бы возможным «выявить» преимущества западного (американского) образца жизни, и таковой нишей стали права человека [5].

Ухудшение советско-американских отношений порождало опасения у тех, кто по праву полагал, что наивысшее право человека — это право на жизнь, где предотвращение конфликта с применением ядерного оружия является первостепенным гарантом в обеспечении всех других прав и свобод человека.

Достаточно скоротечно американская кампания за соблюдение и поддержание прав человека истощила свои волевые ресурсы, осужденной за двойные стандарты, подрыв разрядки, ослабление крупных антикоммунистических блоков, культурная экспансия, расизм, мессианство и т. д. Немудрено, ведь инициатива, понесшая значительное ухудшение репутации от обоснованной и конструктивной критики стала представляться селективной, непредсказуемой и полной противоречий.

Администрация Президента Картера, создав во внешнеполитическом ведомстве бюро по правам человека, институционализировала роль прав и свобод человека в американской международной повестке. Помощь другим государствам стала оказываться с условием соблюдения ими прав и свобод человека.

С приходом к власти Р. Рейгана, им было высказано мнение, что политические шаги прошлой администрации подорвали репутацию и позиции недемократических, но в то же время «дружественных» лидеров, способствовала приходу к власти в некоторых государствах Латинской Америки и Ближнего Востока антиамериканских режимов. Р. Рейган избрал путь не переосмысления роли защиты прав и свобод человека, а в направлении этих трендов против социалистического лагеря.

Соратники Рейгана предприняли известную попытку разграничения между «тоталитаризмом» и «авторитаризмом». Так, тоталитарный режим в стремлении подчинить человеческую душу разрушает автономные институты, а авторитарный режим, являясь деспотичным по существу, но ограниченным в масштабе действия и проникновения в сферы общественной жизнедеятельности, излишни не беспокоит душу, проявляя сдержанность к тем институтам, которые предоставляют индивидууму укрытие от государства.

Взаимоисключающий опыт администраций президентов Картера и Рейгана показывают всю односторонность возможностей органов власти выступать в качестве института обеспечения и защиты прав человека. Последующие американские администрации не привнесли ничего инновационного в эту, специфическую сферу. Администрация Б. Клинтона, глубоко воодушевленная победой в геополитическом противостоянии с СССР, предпринимала меры по использованию постулатов защиты прав человека на международной политической арене, однако это имело гораздо более ослабленную форму.

Администрация Дж. Буша-младшего в истинном духе и традициях республиканской партии вновь стала отдавать приоритет национальным интересам в ключе политического реализма. Власти США, если проанализировать офици-

альные документы, волновала перспектива развития ядерных разработок в таких странах, как Ирак, КНДР и Иран, нежели положение прав и свобод человека в этих государствах, иначе говоря, весь фокус внимания на геополитике, а не на гуманитарных проблемах. В рамках активизации борьбы с международным терроризмом в США возникла открытая дискуссия, где некоторые участники, представлявшие официальные государственные структуры указывали, что в определенных условиях, представляется допустимым использование пыток в ходе борьбы с терроризмом [7], то есть то, что открыто не признавали тоталитарные режимы.

Администрация Б. Обамы, пришедшая к власти в 2008 г., стремилась осуществлять сбалансированный подход. Несмотря на декларируемое желание в ближайшей перспективе покинуть Ирак и Афганистан, новая, на тот момент, американская власть оказывалась «заложницей» ранее принятых решений, полученных в наследство от республиканцев и их геополитических приоритетов. Примечательно, что в президентской кампании систематически осуждались нарушения прав и свобод человека со стороны администрации Дж. Буша-младшего. Тем не менее, с приходом к власти Б. Обама, «тюрьма для террористов» на базе Гуантанамо не была в оперативном порядке ликвидирована. В январе 2009 г. Б. Обама распорядился ликвидировать «тюрьма для террористов», где пытки имели место быть. Вскоре директор ЦРУ отрапортовал о выполнении президентского распоряжения, и с апреля того же года их существование отрицается властями США [8].

В Стратегиях национальной безопасности, принятых и при Дж. Буше-младшем, и при Б. Обаме, раздел, посвященный правам человека, занимает довольно скромное место.

В ходе превентивных мер по борьбе с международным терроризмом после событий 11 сентября 2001 г. американское правительство инспирировало пакет законов и других нормативно-правовых документов, серьезно ограничивших права и свободы граждан США. Получается, что могущественная в военном и экономическом отношении современная держава считает допустимым идти на крайние меры, пренебрегая частными правами и свободами человека, если они оправданы необходимостью обеспечения национальной безопасности, но в то же время порицает аналогичные или не менее значительные меры, предпринимаемые в государствах «более слабых», чем США. Безусловно, это является недвусмысленной формой двойных стандартов.

Резюмируя, стоит указать, что выступление в защиту прав и свобод человека за пределами США были и останутся важным, хотя и не ключевым элементом американской внешнеполитического вектора. Не следует воспринимать это исключительно злым умыслом. Американский истеблишмент не может не учитывать в своей внешней политике общественные настроения и тенденции, которые формируются в первую очередь посредством американских СМИ.

Таким образом, права человека в американской политике преобразовались в осуждающую доктрину, которую можно использовать в отношении к любому внешнему государству.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. John Quincy Adams, Fourth of July address, 1821.
2. Карпович О.Г. Вопросы прав человека и национальной безопасности в США // «Международное публичное и частное право», 2014, № 6.
3. Там же.
4. USAWC Strategy research Project. Torture and the War on Terrorism: Time to Think the Unthinkable? By Lieutenant Colonel Douglas A. Galipeau. United States Air Force. U.S.ArmyWarCollege? 2005. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil>.
5. Карпович О.Г. Указ соч.
6. Там же.
7. URL: <http://www.nomad.su>.
8. URL: National Security Strategy of the United States of America. May, 2010.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПОЛЬША В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Буневич Д. С.

*Директор Института русско-польского сотрудничества.
Эл. почта: d.bunevich@rosopol.org*

Аннотация. В статье в историческом контексте рассматривается эволюция американской политики в отношении постсоциалистической Польши, выявляются основные направления польско-американского сотрудничества. Автор анализирует место Польши в новейших американских геополитических концепциях, предложенных Дж. Фридманом, Э. Люттваком, Дж. Ленчовски, Р. Капланом и др. современными исследователями. Делается вывод о вероятном укреплении американо-польского союза, направленного против интересов России в Восточной Европе. В связи с этим автор прогнозирует усиление российско-польской конкуренции в регионе, которая в среднесрочной перспективе может переместиться и в энергетическую сферу.

Ключевые слова: Польша, Россия, США, Евросоюз, трансформация, евроинтеграция, НАТО, геополитика, Украина

Bunevich D.

Director of the Institute of Russian-Polish.

POLAND IN MODERN AMERICAN GEOPOLITICAL CONCEPTS AND RUSSIAN INTERESTS

Abstract. The article reveals in the historical context the evolution of American policy towards post-socialist Poland, discusses the main directions of Polish-American cooperation. The author analyzes the role of Poland in the latest American geopolitical concepts (G. Friedman, E. Luttwack, J. Lenczowski, R. Kaplan and others.) It is concluded that will strengthen the US-Polish union, aimed against the interests of Russia in Eastern Europe. The author also concludes that the Russian-Polish competition in the region will intensify and in the medium term it can also shift to the energy sector.

Key words: Poland, Russia, USA, European Union, transformation, eurointegration, NATO, geopolitics, Ukraine

После окончания холодной войны американская элита утвердилась в своём представлении о «американской исключительности» и особой роли, которую США должны играть на мировой арене. Вместе с тем к удовлетворению от победы примешивалось чувство стратегической обеспокоенности и даже растерянности, что отмечали многие ведущие аналитики [1]. Одним из ключевых регионов, в отношении которого США должны были сформулировать новую политику, была Восточная Европа, где на рубеже 1989-1990 г. рухнули просовет-

ские социалистические режимы. Одновременно с этим в Центральной Европе встал вопрос объединения Германии [2], что привело к столкновению мнений внутри западного блока: Великобритания и Франция пытались предотвратить или отсрочить процесс присоединения ГДР к ФРГ. Однако западногерманский канцлер Г. Коль, воспользовавшись поддержкой США, добился форсированного объединения Германии на своих условиях. Такой сценарий был выгоден Соединённым Штатам, поскольку означал автоматическое продвижение грани-

цы НАТО до Одера и ослаблял позиции Франции (весьма проблемного партнёра для США) [3]. Заметное усиление ФРГ вызывало озабоченность в Восточной Европе и прежде всего в Польше, которая в прошлом неоднократно становилась жертвой немецкой военно-политической экспансии.

Вашингтон длительное время не мог сформулировать последовательную линию в отношении стран Восточной Европы: США, бесспорно, одобряли и поддерживали сокращение влияния СССР, а затем и России, в этом регионе, но не были готовы предложить постсоциалистическим государствам какого-либо конкретного сценария, который бы подразумевал институциональное закрепление их отношений с Вашингтоном. В этот период американская элита ещё не смогли выработать консенсус по вопросу необходимости и скорости включения стран Восточной Европы в евроатлантические структуры [4].

Например, был взят курс на поддержку рыночных демократических преобразований в регионе: в ноябре 1989 г. президентом Дж. Бушем-ст. было принято решение о выделении Венгрии и Польше помощи на сумму 915 млн долларов [5]. Тем не менее, эта щедрая финансовая поддержка никак не увязывалась с какой-либо конкретной программой действий, которую ожидали новые восточноевропейские лидеры. В ходе своего визита в Варшаву американский президент ограничивался общими фразами: «Мы не можем диктовать странам, малым или большим, необходимость перемен, но мы имеем право высказывать мнение, давать понять, что при совпадении наших взглядов наши отношения станут лучше» [6].

Несмотря на эти заявления, именно при поддержке США началась региональная реорганизация Восточной Европы — в феврале 1991 г. лидерами Польши, Венгрии и Чехословакии была создана Вишеградская группа. Это объ-

единение должно было способствовать сближению восточноевропейских стран с европейскими и атлантическими структурами. Необходимо отметить, что заметную роль в создании группы сыграл Зб. Бжезинский. Согласно его концепции, именно «восточноевропейская тройка» должна была взять на себя функции буферной зоны, ограждающей ядро «развитой Европы» от нестабильности, нарастающей на территории распадавшегося СССР [7].

В отношениях между США и восточноевропейцами в тот период отсутствовала стратегическая ясность. В отличие от элиты бывших социалистических стран, объединённой на атлантической повестке, в самих Соединённых Штатах продолжались дискуссии о целесообразности расширения Альянса. Если такие аналитики как Зб. Бжезинский, Г. Киссинджер и Р. Холбрук выступали сторонниками включения этих стран в атлантический блок, то их влиятельные коллеги (Дж.Кенан, Р. Пайпс и др.) считали, что США не должны спешить в этом вопросе, чтобы не испортить свои отношения с новой Россией [8].

Изменения в отношениях Варшавы и Вашингтона были связаны с приходом демократической администрации Билла Клинтона (1993-2001), не обладавшего внешнеполитическим опытом своего предшественника [9], но являвшегося сторонником теории глобализации и расширения американского влияния в мире. Уже 1993 г. польский президент Л. Валенса в ходе личной встречи с новым американским лидером смог добиться от него принципиального согласия на вступление своей страны в НАТО. Это, несмотря на господство прозападных настроений в тогдашнем российском руководстве, сразу же вызвало негативную реакцию в Кремле: российский лидер Б. Ельцин немедленно направил конфиденциальное письмо своему недавно избранному американскому коллеге, в котором говорил об опасностях, связанных

с вхождением бывших стран советского лагеря в НАТО. Свою позицию Б. Ельцин аргументировал тем, что расширение Североатлантического альянса может привести к изоляции России и ухудшению её отношений с Западом [10].

В результате колебаний американской администрации, вызванных жёсткой позицией Москвы, на конференции министров обороны государств-членов НАТО, прошедшей в октябре 1993 г., было принято половинчатое решение: в ближайшей перспективе Польша и другие страны Восточной Европы не смогут стать членами альянса, но одновременно им предлагалось участие в совместных с Альянсом манёврах и учениях. Руководство Третьей Речи Посполитой [11] было явно разочаровано тем, что ему не удалось форсировать вступление страны в НАТО, тем не менее, польские политики уже с первой половины 1990-х гг. предпочитали относить себя (хотя бы мысленно) к западному военно-политическому блоку [12].

В 1994-1996 гг. вопрос расширения НАТО на восток был постоянной темой диалога Вашингтона и Москвы. Администрация Б. Клинтона стремилась соблюдать баланс между резким неприятием этой идеи со стороны Кремля, проамериканскими устремлениями поляков и собственным видением интересов США в этом регионе [13]. Отсутствие у России инструментов серьёзного влияния на политику восточноевропейских стран привело в конечном итоге к провалу попыток Москвы приостановить процесс расширения Североатлантического альянса [14]. Присоединение Польши к НАТО дало США широкий стратегический плацдарм в Восточной Европе, который открывал перспективы выхода как на балтийский регион, так и на страны, расположенные к востоку — Украину и Белоруссию. России же в конечном итоге пришлось удовлетвориться лишь некоторыми декларациями НАТО об уважении её интересов в будущем [15].

Восточноевропейские страны в этот период целенаправленно искали сближения с США и стремились доказать Вашингтону свою лояльность. Так, в ходе операции НАТО против Югославии в 1999 г. новые члены альянса (Польша, Венгрия и Чехия) полностью поддержали линию США на силовое разрешение конфликта. Эти тенденции особенно усилились в период президентства Джорджа Буша-мл. (2001-2009), хотя вследствие терактов 11 сентября 2001 г. фокус внимания американской дипломатии и переместился в то время из Европы на Ближний Восток. Однако американская активность в исламском мире открыла новые возможности для укрепления польско-американского партнёрства. Когда в 2003 г. США столкнулись с достаточно мощной оппозицией «старой Европы» и России своей операции против Ирака, Польша (а также в меньшей степени Чехия и Венгрия) объявили о поддержке американской интервенции против режима С. Хусейна. Несмотря на противодействие Франции и Германии, поляки выказывали себя в тот период последовательными сторонниками «атлантической солидарности» и поддерживали американскую игру на «раскол» континента с помощью бывших социалистических стран, ориентированных на Вашингтон.

Страны Восточной Европы приняли самое активное участие в военных операциях, организованных Вашингтоном. Так, в Ираке в период 2003-2005 гг. находилось около 5000 военнослужащих восточноевропейских стран [16]. Эти вооружённые силы не могли оказать заметного влияния на оперативную ситуацию, однако присутствие нескольких тысяч солдат восточноевропейских государств администрация Дж. Буша-мл. использовала для того, чтобы продемонстрировать миру наличие у США союзников, готовых к участию в их военных акциях. В тот период Восточная Европа была практически единственным реги-

оном, где американцы могли рассчитывать на безоговорочную поддержку своих планов со стороны местной правящей элиты, несмотря на падение авторитета Соединённых Штатов в мире вследствие агрессивной внешней политики неконсервативной администрации. Так, именно в восточноевропейских государствах располагались секретные тюрьмы ЦРУ [17], где содержались заключённые, подозреваемые американцами в терроризме, к которым, по данным правозащитников, применялись пытки [18].

Период 2006-2008 гг. стал расцветом американско-польского партнёрства: между странами велись активные переговоры по вопросу размещения в Польше элементов глобальной системы противоракетной обороны, с инициативой создания которой Белый дом впервые выступил ещё в 2001 г. Несмотря на неоднократные протесты России и достаточно сдержанную реакцию западноевропейцев, уже к 2007 г. Вашингтон получил принципиальное согласие поляков на участие в создании глобальной ПРО. Используя Польшу, американцы мешали ЕС проводить скоординированную внешнюю политику, которая могла бы нанести ущерб Вашингтону. Это было чрезвычайно важно для США, чья глобальная стратегия в неконсервативном духе пользовалась всё меньшей поддержкой в мире.

Для усиления своего влияния в Варшаве Вашингтон, начиная с 1980-х гг., активно использовал ресурс «мягкой силы»: были созданы такие организации, как «Фонд Образование для Демократии» (Fundacja Edukacja dla Demokracji) и «Польско-Американский Фонд Свободы» (Polsko-Amerykańska Fundacja Wolności), предлагающие многочисленные гранты и стипендиальные программы, рассчитанные на студентов, учёных и гражданских активистов. С другой стороны, Варшава также имела определённый ресурс «мягкой силы» для влияния на США. Наряду с фигурой Зб. Бже-

зинского, среди представителей американской политической и интеллектуальной элиты, симпатизировавших Польше, можно выделить историка и политолога Э. Аппельбаум, известную своими историческими сочинениями [19] в духе концепций американского историка времён холодной войны Р. Конквеста, которая в 1992 г. стала женой Р. Сикорского — одного из самых влиятельных представителей польского либерально-консервативного движения.

Выгоды самой Польши от такого тесного сотрудничества были более чем скромными и ограничивались скорее повышением ощущения собственной значимости в мировой политике у элиты Третьей Речи Посполитой, чем реальными достижениями страны. Польская правящая элита из числа национал-консерваторов из партии «Право и справедливость» вызывала всё большее раздражение партнёров из ЕС, а европейские публицисты, отражая общее недовольство Польшей в западноевропейских столицах, не стесняясь называли Третью Речь Посполитую «троянским ослом США в Евросоюзе» [20]. «Правая» польская элита была обескуражена приходом в 2008 г. к власти в США демократической администрации Б. Обамы, которым была инициирована корректировка американской внешней политики. Реакция представителей польского истеблишмента была близка к панической: в июле 2009 г. в польском издании «Gazeta Wyborcza» [21] было опубликовано открытое письмо, подписанное двадцатью двумя бывшими лидерами государств Восточной Европы [22]. В этом достаточно эмоциональном документе экс-лидеры региона горячо благодарили США за поддержку в годы холодной войны, декларировали свой статус «головосов атлантизма в НАТО и ЕС», напомнили о том, что вместе с американцами «воевали бок о бок на Балканах, в Ираке, а теперь и в Афганистане». Основным же посылом письма стала просьба к ад-

министрации Б. Обамы не отказываться от стратегического партнёрства с Восточной Европой и «не оставлять регион на милость России», которая, согласно мнению авторов обращения, «использует явные и скрытые инструменты экономической войны, от энергетической блокады и политически мотивированных инвестиций до подкупов и манипуляции СМИ, чтобы продвигать свои интересы и оспаривать трансатлантическую ориентацию Центральной и Восточной Европы».

Кроме этих панических воззваний, в письме содержались и конкретные предложения по новой американской стратегии в регионе, в частности предлагалось не отказываться от развёртывания ПРО и укрепить институты НАТО [23]. Это письмо тогда не оказало никакого влияния на позицию Вашингтона и не привело к переоценке приоритетов внешней политики США. Новый расцвет американо-польского сотрудничества начался только в 2013 г., когда Польша стала важным «оператором» американской политики на Украине, а затем — главным сторонником антиросийских санкций в ЕС.

В американском экспертном сообществе продолжают дискуссии по вопросу выстраивания новых польско-американских отношений и степени сотрудничества США и Варшавы. В XXI в. в Соединённых Штатах был сформулирован ряд новых подходов к пониманию долгосрочных интересов США в Восточной Европе и тому, какое место должна занимать Варшава в европейской стратегии Вашингтона.

В первую очередь следует отметить разработки одного из старейших американских исследователей в этой области С. Коэна [24], получившего известность и признание ещё в период холодной войны [25]. В своих работах американский учёный, рассматривая Центральную и Восточную Европу, отмечает, что Польша по своему стратегическому

положению и историческому прошлому существенно отличается от других государств региона, таких как Чехия или Венгрия. Так, для С. Коэна представляется очевидным, что интеграция Праги и Будапешта в евроатлантические структуры была желательна и, вероятно, неизбежна, однако подключение к этому процессу Варшавы серьёзно осложнило отношения США и России [26]. Польша, с точки зрения С. Коэна, в отличие от других стран региона, является стратегическим и культурным мостом между Европой (Западом) и Россией, поэтому чрезмерное усиление американского влияния в Варшаве обостряет американо-росийские отношения. Во-первых, именно польские территории являются наиболее удобным стратегическим плацдармом на западной границе России, с которого потенциальный противник может угрожать Москве. Во-вторых, слишком тесный союз Соединённых Штатов с Польшей может стать причиной вовлечения Вашингтона в «польскую игру против России» на пространстве бывшего СССР даже против желания самих американцев. Именно поэтому С. Коэн выступал против инициатив администрации по размещению в Польше элементов американской системы ПРО. Это, по его мнению, способствовало бы росту антиамериканских страхов в России. Такая высокая цена за укрепление союза со «слабой Польшей» является чрезмерной для США, которые не заинтересованы в конфронтации с Москвой в условиях нарастания мировой нестабильности.

В качестве альтернативы польскому направлению С. Коэн предлагает сместить американскую активность на юг — в сторону более традиционных союзников в Турции и на Балканах. Это позволило бы сохранить и (при необходимости) расширить американское присутствие в южной Европе и на Ближнем Востоке, не обостряя отношения Вашингтона и Москвы в «Старом Све-

те». Польше же в качестве альтернативы военно-стратегическому сближению с США предлагается развитие экономического взаимодействия с Германией, что должно было гарантировать постепенное усиление внешнеполитических позиций Третьей Речи Посполитой на континенте. Концепция С. Коэна предлагала закрепить американскую гегемонию в Европе через ограниченное расширение НАТО в Центральной Европе, а Польшу поддерживать в качестве буфера, не имеющего слишком тесных отношений с Вашингтоном в военной сфере. Основным побудительным мотивом для предложенной стратегии было желание сохранить конструктивные отношения с Москвой и не ввязываться в польские проекты, направленные на республики бывшего СССР.

Схожие предложения формулирует другой известный политолог и эксперт в области военной стратегии Э. Люттвак, в прошлом сотрудник администрации Р. Рейгана и один из ведущих американских аналитиков на завершающем этапе холодной войны. С его точки зрения, Россия после поражения в 1991 г. нужна США как союзник для будущего (в середине XXI в.) противостояния с набирающим мощь Китаем [27]. Э. Люттвак, несмотря на достаточно критическое отношение к российской внешней политике, неоднократно предупреждал в своих работах [28], что США не могут себе позволить обострять отношения с Россией из-за Восточной и Центральной Европы и Вашингтону необходимо учитывать интересы России в этом регионе [29]. В связи с этим всё большую роль начинала играть Польша, т.к. эта страна занимает стратегическое положение между Россией и Германией и постоянно выступает против углубления сотрудничества Берлина и Москвы. Потворство польским страхам и предоставление полякам поддержки в их внешнеполитической игре, направленной на подрыв инициатив по созданию экономически

обоснованного привилегированного партнёрства Берлина и Москвы, ударит, предупреждает Э. Люттвак, по интересам самих США, поскольку они лишатся шанса на сотрудничество с Россией [30], которое необходима для уравнивания Китая в будущем [31]. Э. Люттвак (как и С. Коэн) отказывал Польше в самостоятельной ценности для американской стратегии в Европе и в своих исследованиях исходил из того, что польское направление при выработке задач американской внешней политики является производным от российского. И если США намерены сотрудничать с Россией, им нужно быть сдержанными в своём союзе с Польшей.

Характерным примером военно-стратегического акцентирования при анализе стратегического положения Третьей Речи Посполитой в начале XXI в. являются разработки известного исследователя Дж. Фридмана, возглавляющего близкое к американскому правительству частное разведывательно-аналитическое агентство «Stratfor». В своих исследованиях [32] Дж. Фридман приходит к выводу, что у Польши, зажатой между потенциально враждебными ей Германией и Россией, существует всего три рациональные геополитические стратегии, которые могут в той или иной степени гарантировать безопасность Варшавы на достаточно длительный срок. Третья Речь Посполитая может сделать ставку на укрепление институтов НАТО и ЕС и установление кооперации с Германией в рамках этих организаций. Это, с одной стороны, обезопасит Польшу от угрозы германской экспансии, а с другой — сделает невозможным чрезмерное давление со стороны России, которая крайне заинтересована в сотрудничестве с Германией и не станет обострять отношения с Берлином из-за поляков. Другая стратегия Польши заключается в постепенном выстраивании взаимовыгодных и равноправных отношений одновременно с Россией и Германией и преодолении

благодаря этому взаимного недоверия, усугубляемого крайне негативным историческим опытом взаимодействия трёх держав. Третья же возможная стратегия для Польши, по мнению Дж. Фридмана, может основываться на установлении особенно тесных союзнических отношений с мощной страной-гарантом, обеспечивающей безопасность Варшавы. Польская политическая элита сделала выбор именно в пользу последнего варианта и связала вопрос обеспечения своей безопасности в первую очередь с тесным военно-политическим союзом с Вашингтоном [33].

В связи с этим Дж. Фридман обращает внимание на то, что в случае гипотетического конфликта между Москвой и Варшавой США окажутся в сложном положении. Неизбежный крах Польши в случае её столкновения с Россией «один на один» неприемлем для Вашингтона, т.к. лишит американцев критически важного стратегического плацдарма на Северо-Европейской равнине. Но с логистической и военно-тактической точек зрения, для мобилизации собственных сил и сил своих союзников в Европе США потребуется достаточно много времени, на протяжении которого они не смогут оказать существенную помощь Польше в её конфликте с Россией. Поэтому Третьей Речи Посполитой, учитывая, что угроза от России скорее теоретическая, чем реальная, необходимо постепенно, но последовательно укреплять свою экономику и оборонный потенциал, что возможно только в отдалённой перспективе. Дж. Фридман считает, что Польше необходимо постепенно определяться со своей «большой стратегией» на первую половину XXI в. Оптимистическая стратегия может заключаться в постепенном расширении сотрудничества с Германией при сохранении стабильных отношений с Россией, которые Варшава может выстроить, если не станет проводить агрессивную политику на восточном направлении — на территориях,

к которым Россия традиционно относится как к своей зоне интересов. При выборе этой стратегии полякам, однако же, придётся опасаться неожиданного сближения Берлина и Москвы, которое нельзя полностью исключать, учитывая исторический опыт сотрудничества России и Германии. Консервативная же польская стратегия, считает Дж. Фридман, требует сохранения и развития тесных двусторонних отношений с Соединёнными Штатами. Однако в Варшаве должны понимать, что США в своих военно-политических инициативах для восточноевропейского региона исходят из концепции поддержания баланса сил и оказания политической, технологической и экономической помощи, а не прямого военного участия в обеспечении безопасности своих союзников в регионе.

В начале XXI в. всё больше экспертов стали обращать внимание на энергетический фактор при оценке геополитического положения той или иной державы [34]. Ведь, несмотря на развитие ядерной энергетики и исследования в области возобновляемых источников, нефть и газ, вероятно, на ближайшие десятилетия будут сохранять своё стратегическое значение. В связи с этим на первый план в международных отношениях будут выходить вопросы взаимоотношений производителей, транспортёров и потребителей энергии. Польша, традиционно выступавшая в качестве страны-потребителя и страны-транспортёра, в начале XXI в. стала стремиться к тому, чтобы стать производителем энергии [35], что не ускользнуло от внимания американского экспертного сообщества.

Так, Р. Каплан [36], близкий к американским консерваторам исследователь, в своих работах отмечает, что необходимо добавление «энергетической компоненты» к тесным союзническим отношениям с Варшавы и Вашингтона: США могут оказать финансовую и технологическую помощь Польше по разведке за-

пасов сланцевого газа [37]. Если Польша сможет организовать добычу сланцевого газа на своей территории, это избавит Европу от энергетической зависимости от России, а также сделает Варшаву одним из ведущих центров силы внутри ЕС. Поскольку даже в своём новом статусе Третья Речь Посполитая будет выступать в качестве «атлантической силы» внутри Евросоюза, США смогут одновременно снизить российское влияние в Европе и увеличить собственное. Кроме того, Р. Каплан прогнозирует, что в XXI в. Польша будет всё острее конкурировать с Россией за влияние на Украине, а обретение Варшавой собственных энергетических ресурсов станет важным инструментом в борьбе за Украину, которая несмотря на все заявления, продолжает зависеть от реверса российского газа из европейских стран. Продолжая свои теоретические построения, основанные на значении энергетики для развития международных отношений, Р. Каплан предлагает проект направленного против России союза Польша и Швеция, которые (при поддержке США) должны вовлечь в зону своего влияния балтийские государства через строительство на море транспортных терминалов для сжиженного газа. Учитывая, что в регионе по-прежнему высоки риски прямых военных столкновений, аналитик особо подчёркивает необходимость американской помощи в восстановлении и модернизации польских вооружённых сил.

С несколько иных позиций на энергетическое измерение польской внешней политики смотрит американский исследователь польского происхождения Дж. Ленчовски [38]. Он, как и многие его коллеги, обращает внимание прежде всего на позицию Польши между Россией и Германией: союз этих двух стран представляет угрозу для польской безопасности [39]. По его мнению, польская дипломатия должна всеми силами способствовать ослаблению российско-германских связей. Но Варшава не смо-

жет полностью «оторвать» Германию от партнёрства с Россией до тех пор, пока российский газ жизненно необходим для эффективного функционирования германской экономики. Поэтому Польша при поддержке США должна приложить максимум усилий для строительства через её территории трубопроводов альтернативных российским. К таким проектам могут относиться трубопроводы из Украины (Odessa-Brody) и с территории Кавказа (Nabucco). Также Польше целесообразно лоббировать на общеевропейском уровне строительство трубопровода в Германию из Норвегии. Разумеется, превращение Польши в ключевой перевалочный пункт для нероссийского газа, поставляемого в ЕС, повысит геополитическую роль Третьей Речи Посполитой и её влияние по всей Европе. Кроме того, США смогут оказать помощь в развитии польской ядерной энергетики — это тоже станет элементом «освобождения» Польши от влияния России в топливной сфере.

Однако Дж. Ленчовски предупреждает, что эти инициативы Польши могут столкнуться с противодействием как со стороны России, так и со стороны её давних партнёров в Европе, не согласных с тезисом о необходимости диверсификации поставок газа «любой ценой». Чтобы преодолеть это сопротивление внутри Европы, Польше, отмечает исследователь, необходимо предпринять целый ряд шагов [40].

Во-первых, полякам следует поддерживать свою национальную идентичность внутри ЕС, а также не соглашаться в вопросах энергополитики на диктат Брюсселя, который не имеет такого негативного исторического опыта общения с Москвой, как Варшава. Во-вторых, Польше необходимо на общеевропейском уровне продвигать идею о том, что создание польского альтернативного энергетического и логистического центров позволит Европе избежать риска «энергетического шантажа» со стороны

России. В-третьих, Россию следует попытаться убедить, что эти инициативы не представляют угрозы для российских политических и экономических интересов, а направлены исключительно на укрепление экономической самостоятельности Варшавы. В-четвёртых, Польша (и здесь вновь потребуются поддержка США) необходимо усиливать систему своей национальной безопасности, чтобы в случае угрозы быть в силах обеспечить защиту своих энергетических и транспортных центров. Кроме усиления традиционных вооружённых сил, американский эксперт предлагает обратить особое внимание на выстраивание польской системы кибербезопасности.

Таким образом, американское экспертное сообщество в настоящее время предлагает целый ряд новых подходов, которые имеют одну общую черту — роль Варшавы на геополитической карте мира и её место во внешней политике Вашингтона является производной от отношений США и России. При этом представители старшего поколения американских аналитиков (С. Коэн, Э. Люттвак) исходят из того, что приоритетом для США должно быть сохранение конструктивных отношений с Россией как с силой всё ещё способной нанести вред интересам Соединённых Штатов или, напротив, выступить тактическим американским союзником. В этой связи особенно важна проблема реакции России на чрезмерно тесные отношения Польши и США, т.к. Третья Речь Посполитая в силу своего положения на европейской политической карте является постоянным антагонистом России в Восточной Европе и на постсоветском пространстве (особенно на Украине).

Стратегическое положение Польши, как гигантского плацдарма на западной границе России предопределяет возникновение обоснованных опасений со стороны Москвы в случае, если такая мощная в военном отношении держава как США получит полный доступ к этому

плацдарму. То есть, стратегический союз с Польшей, по мнению представителей этого направления внешнеполитической мысли, во-первых, неизбежно вязывал США в польскую антироссийскую игру в Восточной Европе, а во-вторых, способствовал росту напряжённости в отношениях с Россией, обеспокоенной контролем США над стратегически важным пространством у своих западных границ.

Представители же молодого поколения аналитиков, исследующих значение польско-американского стратегического партнёрства, своим приоритетом видят не выстраивание конструктивного диалога с Россией, а использование потенциала сотрудничества Третьей Речи Посполитой и США для недопущения роста российского влияния. Наиболее последовательные из них даже поднимали вопрос о необходимости дальнейшего «сжатия» территорий, находящихся под российским влиянием. Для этого, по их мнению, необходим ещё более тесный польско-американский союз, направленный против интересов России в Восточной Европе. При этом некоторые аналитики (Дж. Фридман) достаточно прямо говорят, что подобная политика в перспективе может привести к тем или иным формам военного противостояния в регионе. И поскольку Польша при любых внешних вложениях не будет обладать военно-экономической мощью, сравнимой с российской, США необходимо готовиться к тому, чтобы в случае резкого обострения российско-польских отношений вмешаться в ситуацию и оказать прямую военную поддержку Варшаве.

Однако крупнейшим нововведением начала XXI в. в стратегических исследованиях польско-американского союза стало изучение влияния энергетического фактора при оценке роли Польши в Европе и мире. На фоне постоянного роста значения энергетики для мировой стабильности аналитики отметили осо-

бый стратегический потенциал Польши, проистекающий как из её положения в Восточной Европе, так и от запасов сланцевого газа, обнаруженного в недрах страны и её территориальных водах на Балтике в последние годы.

Польша при американской поддержке может стать крупнейшим транзитёром газа в ЕС, если включится в давно лоббируемые США проекты строительства газопроводов из Азии в Европу в обход российских территорий. А разработка сланцевых месторождений в самой Польше откроет перед США ещё более привлекательные перспективы — полное вытеснение российских энергоносителей и замена их польскими. Кроме того, превращение Варшавы в ключевого поставщика энергоресурсов в Европу приведёт к усилению польского (а значит, и американского) влияния внутри ЕС: Третья Речь Посполитая, став энергетическим лидером Евросоюза, будет способствовать укреплению позиций проамериканских сил на континенте. Усиление Польши на энергетическом рынке также может привести к постепенному отдалению России от Германии, т.к. снизит зависимость германской экономики от российских поставок. Возникновение аналогичной ситуации возможно и на украинском направлении — польский сланцевый газ станет для Киева альтернативой реверсу российских энергоносителей.

Эксперты признают, что реализация этих проектов потребует серьёзных

финансовых и технологических вложений со стороны Соединённых Штатов. Однако заявления американских инвесторов и политиков, провал курса на «перезагрузку» российско-американских отношений, а также начавшийся в 2013 г. кризис на Украине и последовавшая за ним «война санкций» позволяют утверждать, что США сделали выбор в пользу конфликтного сценария в отношениях с Россией. Следовательно, в ближайшей исторической перспективе в США будут востребованы именно те внешнеполитические подходы, которые делают акцент на потенциале Третьей Речи Посполитой в качестве стратегического противовеса России, в и в энергетическом измерении.

В связи с этим российскому экспертному сообществу необходимо формулировать адекватный ответ на «польский вызов», который, очевидно, поддерживается Соединёнными Штатами. И этот ответ должен иметь как тактическое, так и стратегическое измерение. Политика России на польском направлении не может ограничиваться купированием угроз, её целью должно быть разрушение стратегического американско-польского союза через вовлечение Польши в будущем в строительство «Большой Евразии», что возможно только в контексте постепенной нормализации российско-европейских отношений и стабилизации ситуации на Украине на приемлемых для России условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска, М., 2013. С. 542
2. Горбачев М.С. Как это было. — М., 1999
3. Так, начиная с президентства Шарля де Голля (1959-1969), Франция позволяла себя демонстрировать независимую от Вашингтона линию во внешней политике: в стране были ликвидированы военные базы США, был осуществлен выход из военной структуры НАТО, нормализованы отношения с Советским Союзом.
4. Представляется, что на фоне нестабильности на Ближнем Востоке и неопределённости в России, администрация Дж. Буша-ст. просто не смогла сформулировать последовательную американскую стратегию в Восточной Европе, которая бы вписывалась в то, что в 1990 г. в своём выступлении на объединённой сессии Конгресса США президент обозначил как «новый мировой порядок».

5. Шишелина Л.Н. Европейский Союз и Восточная Европа. М., 2005. С. 118.
6. Washington post, 1989. May 31
7. Шишелина Л.Н. Указ. соч. С. 79
8. Офицеров-Бельский Д.В. Атлантический интеграционный вектор во внешней политике Польши // Мировое развитие. Интеграционные процессы в современном мире: экономика, политика, безопасность. М., 2007. С.150-151.
9. Дж. Буш-ст. до своего избрания президентом США успел побывать представителем США при ООН, директором ЦРУ и вице-президентом при Р. Рейгане. Клинтон же пришёл в Белый дом с поста губернатора Арканзаса.
10. Переписка Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. М. 2011. С. 86-123.
11. В польской историографии в целом утвердилась следующая периодизация польской национальной государственности Нового и Новейшего времени: Первая Речь Посполитая (1569-1772), Великое герцогство Варшавское (1807-1815), Вторая Речь Посполитая (1918-1939), Третья Речь Посполитая (с 1989 г.). При этом наименование «Речь Посполитая» не распространяется на Народную Польшу (Польская Республика, Польская народная Республика, 1945-1989), что, очевидно, подчёркивает отношение польской элиты к социалистическому периоду польской государственности как к искусственному искажению естественного хода национальной истории.
12. 1 kadencja, 43 posiedzenie, 2 dzien (30.04.1993) // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej, Prace Sejmu I kadencji. URL:<http://orka2.sejm.gov.pl/Debate1.nsf/main/5FB85CCE> (дата обращения: 11.10.2017).
13. Christopher W. American leadership at stake // US Department of State Dispatch, 1995 Vol. 6 I ss. 21, P. 411-416
14. Kobrinskaja I. Dlugi koniec Zimnej Wojny. Rosja I Europa Srodkowa 1991-1996. Warszawa, 1998
15. основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Организацией Североатлантического Договора и Российской Федерацией. // Дипломатический вестник. 1997. -№ 6.-С. 4-10.
16. TheWhiteHouse [Электронный ресурс] <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030327-10.html> Режим доступа свободный (дата обращения: 11.10.2017)
17. Amnesty International [Электронный ресурс] Режим доступа свободный <http://www.amnesty.org/en/library/info/POL30/003/2006/en>
18. Т.н. «более жёсткие методы допроса», которые включали в себя инсценировку казни через утопление — пытку водой и применение акустических ударов.
19. Примечательно, что в своих работах Э. Аппельбаум обращается в основном к тематике репрессий в СССР и изучению механизмов установления и удержания советского влияния в странах Восточной Европы.
20. Wprost, 5.11.2003
21. Gazeta Wyborcza, 16.07.2009
22. Среди подписантов этого обращения два польских президента (Л. Валенса, А. Квасневский), президент Чехии (В. Гавел), президент Румынии (Э. Контанеску), президент Литвы (В. Адамкус), президент Латвии (В. Вике-Фрейберга), президент Словакии (М. Ковач), главы МИД и высокопоставленные дипломаты
23. Например, авторы письма предлагали активизировать работы по вариантному планированию и предварительному позиционированию войск на случай кризиса, «изначально предусмотренного в основополагающем акте НАТО-Россия»
24. Cohen S., Geopolitical realities and United States foreign policy / Political Geography, № 22, 2003
25. Cohen S.B. Geography and Politics in a Divided World., 1964.
26. Cohen, S. B.. Geopolitics of the World system. 2003
27. Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира, М., 2012
28. Luttwak E. Add Poland, No Security, The Moscow Times. 22.04.1997
29. Luttwak E. The Rise of China vs. the Logic of Strategy, Massachusetts, 2012
30. Luttwak E. Georgia conflict: Moscow has blown away soft power, The Telegraph, 16.08.2008

31. Стоит отметить, что ведущими аналитиками, такими как Г. Киссинджер, рассматривался и альтернативный сценарий: стратегический союз Вашингтона и Пекина и «двуединое господство» США и КНР в XXI в.
32. Friedman G. Poland's Strategy [Электронный ресурс] <https://www.stratfor.com/weekly/polands-strategy> Режим доступа свободный (дата обращения: 11.10.2017)
33. Friedman G. Nowe mocarstwo nad Wisłą // Rzeczpospolita 21.11.2008
34. Боровский Ю. Политизация мировой энергетики // Международные процессы. Том 6. № 1. 2008. С. 212
35. Czyzewski A. Swiedowa P. Jak zbudowac sector gazu luokowego w Polsce? Warszawa, 2010; Wojciechowski S., Fiedler R. Zagrozenia asymetryczne wspolczesnego swiata, Poznan 2009, S. 95-117
36. Kaplan R. D. The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. New York, 2012
37. Kaplan R. D. Europe's New Map \ \ The American interests — 2013 — № 8 — May/June 2013
38. Lenczowski J. Full Spectrum Diplomacy and Grand Strategy: Reforming the Structure and Culture of U.S. Foreign Policy, 2011
39. Очевидно, что значительная часть польской политической элиты разделяет этот тезис: Польша последовательно выступала против сближения России и Германии в энергетической сфере в начале 2000-х гг. Польские официальные представители и неправительственные организации регулярно и весьма резко критиковали проект «Nordstream». Так, премьер К. Марценкевич говорил о попытке «перенести германо-российскую границу на запад от Польши», а тогдашний министр обороны Р. Сикорский сравнивал проект с пактом Молотова-Риббентропа.
40. Lenczowski J. Poland on the Geopolitical Map // Sarmatian Review; Jan 2013, Vol. 33 Issue 1, p. 1730 — 1733.

ПРИБАЛТИКА И РОССИЯ: МИФИЧЕСКАЯ «ТЕОРИЯ ОККУПАЦИИ» И РЕАЛЬНЫЙ «ИНСТИТУТ НЕГРАЖДАН»

Лактионова Н.Я.

*Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН.
Эл. почта: n-laktionova@yandex.ru.*

Аннотация: Договор о ненападении между СССР и Германией 1939 г. вполне соответствовал рамкам международного права того периода, тогда как «теория оккупации» на деле оказалась мифологизированной. Она породила институт «неграждан» в Латвии и Эстонии и претензии к России. Поражение в правах значительной части населения Прибалтики компрометирует Евросоюз и несет репутационные и социально-политические издержки для этих стран.

Ключевые слова: Договор о ненападении между СССР и Германией 1939 г., Декларации независимости прибалтийских стран, теория «оккупации», искажения истории, II Съезд народных депутатов СССР 1989 г., институт «неграждан», процессы депопуляции, Прибалтика в сфере России и ЕС

Laktionova N.

THE BALTIC STATES AND RUSSIA: THE MYTHICAL «THEORY OF OCCUPATION» AND THE REAL «INSTITUTE OF NON-CITIZENS»

Annotation: The nonaggression pact between the USSR and Germany in 1939 fully corresponded to the framework of international law of that period, whereas the “theory of occupation” actually turned out to be mythologized. It gave birth to the institution of “non-citizens” in Latvia and Estonia and claims to Russia. The defeat of the rights of a significant part of the Baltic population compromises the European Union and carries reputational and socio-political costs for these countries.

Key words: non-aggression Pact between the USSR and Germany 1939, The Declaration of independence of the Baltic countries, the theory of “occupation,” the distortion of history, II Congress of People’s Deputies of the USSR 1989, Institute of non-citizens, the processes of depopulation, the Baltic States in the sphere of Russia and the EU

Розыгрыш националистической карты и антироссийский политический вектор — визитная карточка прибалтийских стран в мировом пространстве. Исторические темы здесь давно превращены в практический инструмент для эффективной реализации внутренней и внешней политики. Больше других в этом преуспела Латвия, нацеленная на дивиденды через продавливание тенденциозных резолюций в европейских правовых институтах. В Прибалтике давно и активно идет романтизация до-советского прошлого. Легионеры СС здесь возводятся в ранг национальных героев, а преступления коллаборационистов и «лесных братьев» против мир-

ного населения скромно замалчиваются. Характерно, что и для СССР эта тема была табуирована, чтобы не способствовать напряжению в межнациональных отношениях. В постсоветское время политический заказ диктовал иное: не только в бывших республиках СССР, но и в самой России исследователи кинулись писать о сталинских репрессиях [1]. Таковым был социально-политический заказ. Все это привело к тому, что общественности почти неведомы деяния коллаборационистов и предателей, но хорошо известны во многом гиперболизированные преступления советского режима [2]. В 2005 г. в Латвии при поддержке посольства США вышло издание

«История Латвии: XX век» [3], ставшее одним из основных учебных пособий, где Саласпилский концлагерь, в котором были целенаправленно уничтожены порядка 100 тысяч человек, в том числе 12 тысяч детей [4], скромно назван «исправительно-трудовым».

На Западе, как известно, раздаются много стенаний об исторической вине Советского Союза за Пакт Молотова-Риббентропа. Заметим попутно, что в СССР было принято наименование: «Договор о ненападении между Германией и СССР». Само слово «пакт» как привычная претензия со стороны Запада в русском звучании давно обрело негативную окраску.

На фоне бесконечных осуждений Советской России за скобками оказались ключевые события предвоенной истории. Еще в 1938г. за год до заключения Договора между Германией и СССР, Франция и Великобритания в лице своих министров Н.Чемберлена и Э.Далладе вступили с Германией в совершенно аналогичные договоренности, известные как Мюнхенский сговор. Никаких призывов к покаянию за Мюнхен и раздел Чехословакии, реализованный без сантиментов, со стороны мирового сообщества не прозвучало. Двойные стандарты — отличительная черта стран, называемых «цивилизованными».

Вот мнение известного специалиста по военной истории профессора Л.И.Ольштынского: «Примером примитивной фальсификации истории является часто повторяемый тезис о том, что «Договор о ненападении Германии и СССР» 1939 г. вызвал развязывание Второй мировой войны... Подписание договора вырывается из общей цепи... причинно-следственных связей, смешиваются разномасштабные и разноплановые события. При этом полностью игнорируются стратегические планы сторон, которые раскрывают подлинные замыслы политики...». И еще: «Договор о ненападении 1939 г. исторически оправдан.

Он означал крах наиболее опасного для СССР варианта развития Второй мировой войны — «канализации» агрессии фашистского блока против СССР при его международной изоляции...» [5].

События того времени описаны и хорошо известны, но так как они сегодня переверачиваются с ног на голову, видимо, следует еще раз остановиться на ключевых моментах начала войны, подвергаемых пристрастной ревизии. Отметим при этом, что руководство СССР было в курсе стремлений западных держав подтолкнуть Германию к войне с Советским Союзом, равно как и о желании Гитлера расширить немецкое «жизненное пространство» за счет восточных земель. В этих условиях необходимо было думать о безопасности. Вторжение вермахта в Польшу создавало для СССР крайне опасное положение — в случае захвата Германией Западной Белоруссии её стратегические рубежи приближались к жизненно важным центрам СССР. Кроме того, под угрозой германского завоевания оказывались братские народы на отторгнутых белополяками территориях. В обстановке, когда немецкие войска двигались на Восток, не встречая организованного сопротивления польских войск, Красная Армия 17 сентября 1939 перешла границу и взяла под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии при широкой поддержке населения этих областей. Советский Союз, не будучи агрессором, не претендовал на собственно польские земли. Восточная граница прошла по территории этнической Польши, населенной преимущественно поляками, так называемой «линии Керзона» [6], рекомендованной еще Антантой. Восторжествовала историческая справедливость — в Россию были возвращены земли, отторгнутые Польшей в 1920-гг. — произошло воссоединение разрозненных частей Украины и Белоруссии.

Позволим себе обширную цитату. Удивительно плодотворный и глубокий

ученый В.В. Кожин указывает, что «суть дела состояла не просто в том, чтобы вернуть прежние «владения» [7]. Речь шла о естественных доминантах становления границы России и Запада, которое «в древнейшую эпоху происходило не столько в процессе «дипломатических переговоров», сколько как бы естественно, стихийно, само собой. Складывался не политико-дипломатический, а геополитический рубеж между Русью и Европой. И именно он лежал в подоснове решения о границе в 1939 году. И когда германские войска на рассвете 22 июня 1941 года переправлялись через Западный Буг, они рушили границу, прочно установленную великим князем Владимиром Святославичем в 981 году, то есть 960 лет тому назад. При восстановлении этого рубежа в 1939 году закономерно встал вопрос (как и в конце XVIII века) о литовском «клине» ... ибо в 1920 году Польша не только отторгла западные украинские и белорусские земли, но и отняла у Литвы Вильно — Вильнюс с прилегающей к нему территорией. И 10 октября 1939 года СССР передал эту территорию Литве. То есть вновь — спустя полтора столетия — была воспроизведена та же самая «геополитическая модель», что говорит о ее существенности» [8].

Итак, СССР вынужден был предпринять необходимое. И это хорошо понимали знающие ситуацию современники. Занимавший в тот период пост Первого лорда адмиралтейства Уинстон Черчилль, отнюдь не обремененный симпатиями к СССР, в своём выступлении по радио 1 октября 1939 г. вынужден был признать за Советским Союзом это право: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан «Восточный» фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть. Когда г-н фон Риббентроп был вызван

на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении Балтийских государств и Украины должен быть положен конец» [9]. Таким образом, уже в начале войны СССР преградил путь Третьему Рейху, лишив германское командование возможности использовать территорию Западной Украины и Западной Белоруссии в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Эстония, Латвия и Литва на протяжении 20 лет своего независимого существования были весьма условными демократическими государствами. Достаточно вспомнить, что становление государственности в этих странах проходило в 1918 г. в условиях немецкой оккупации. В 30-е гг. здесь были установлены авторитарные режимы, нередко называемые в литературе «президентскими диктатурами» [10] (Константина Пятса в Эстонии, Карлиса Улманиса в Латвии и Антанаса Сметоны в Литве) с цензурой, запретом деятельности политических партий и прочими недемократическими проявлениями.

В 1939 — 1940 гг. эти страны имели возможность либо пойти на заключение многостороннего пакта о гарантиях с западными державами и СССР, либо противостоять политическому давлению Москвы. Тем не менее, они этого не сделали. Значимыми факторами, предопределившими пассивность этих стран, стали отсутствие уверенности в поддержке Запада и страх перед недовольством широких масс населения [11].

В целом присоединение Прибалтики к Советской России — сложная, многоходовая комбинация. Руководство СССР знало о стремлении западных держав подтолкнуть Германию к войне с Советским Союзом, равно как и о желании Гитлера расширить немецкое «жизненное пространство» за счет восточных земель. В этих условиях необходимо было думать о безопасности. Ввод советских

войск в Прибалтику был стратегически мотивирован и имел оборонительный характер [12]. Известно, что вступление Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР проходило на законных основаниях. При этом никакие боевые действия не велись. Нахождение на территории прибалтийских стран войск Красной армии обговаривалось в рамках договоров о взаимопомощи со всеми этими республиками. Когда нацистские группировки этих стран стали устраивать провокации, для СССР появился повод для требований наведения порядка или назначения новых всенародных выборов, в результате которых абсолютным большинством в этих странах были избраны просоветские правительства, что открывало дорогу для вхождения Литвы-Латвии-Эстонии в состав СССР. Кстати, голосование на территории Прибалтики 1940 г. было всенародным, ущемленных в избирательных правах «неграждан», до которых докатились современные Латвия и Эстония, да и сам Евросоюз через подобных своих членов в то время не существовало. Причем перед выборами проходили массовые демонстрации со множеством плакатов о присоединении к Советской России.

О том, что оккупация — это миф, свидетельств достаточно. Одно из них, например, радиообращение президента Латвии Карлиса Улманиса к народу Латвии 17 июня 1940 г. после вступления советских войск на ее территорию. Он поясняет: «Это происходит с ведома и согласия правительства, что в свою очередь вытекает из существующих дружественных отношений между Латвией и Советским Союзом. Поэтому я хочу, чтобы и жители нашей страны на ввод воинских частей смотрели дружелюбно» [13].

Население в массе своей и было настроено приветливо. Солдат и офицеров воспринимали как защитников. Достаточно посмотреть фотографии той поры — их немало и в Интернете. Есть

архив Кинофото документов — по всей видимости, именно он и хранит хорошо известную советским людям документальную хронику. Те исторические кадры — радостно встречающих «советских оккупантов» латышей неплохо было бы сделать широким достоянием общественности. 21-22 июля сеймы Литвы, Латвии и Государственная дума Эстонии приняли декларации о вхождении этих стран в состав СССР. 3-6 августа 1940 г. Верховный Совет СССР принял законы о вступлении Литвы, Латвии и Эстонии в СССР в качестве союзных республик.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом способствовал тому, что Прибалтика не стала протекторатом Третьего Рейха и плацдармом для нападения на СССР. Просчитанная и взвешенная советская политика позволила подготовить общественные силы прибалтийского региона. Широкие слои местного населения рассматривали присоединение к Советскому Союзу не только как шанс избежать фашистской оккупации, но и возможность присоединиться к бурно развивающейся стране-гиганту, о социальных и промышленных успехах которой было широко известно.

В результате СССР вернул утраченные во время Гражданской войны территории, укрепил границы, установил контроль над стратегически важным регионом и выиграл время для подготовки к войне. В свою очередь, **присоединение Литвы-Латвии-Эстонии к Советскому Союзу позволило сохраниться местному населению как нациям.**

Есть простой вопрос: «Что было бы с Прибалтикой, если бы она не вошла в состав Советского Союза»? Ответ очевиден — захват Германией. По плану Гитлера, почти всю эту территорию предполагалось освободить от местного населения и заселить немецкими крестьянами. Основной смысл «Генерального плана «Ост» состоял в ликвидации разными способами непригодных для

жизни, с точки зрения NSDAP, этнических единиц, а народы, считавшиеся «относительно годными», должны были подвергнуться германизации. Эта программа рассчитывалась как долгосрочная на тридцать лет после окончания войны [14].

«В советскую эпоху прибалтийские страны являлись «витриной» системы, — пишет профессор из Эстонии В.Пароль, который признает большие заслуги Союза ССР. — За короткий период времени удалось восстановить экономический и повысить культурный потенциал этих народов. Трудно подвергнуть сомнению тезис о том, что «советский ренессанс» в Прибалтике был вершиной национального развития за всю многовековую историю этих стран. Экономическое чудо в Эстонии в конце 50-х-начале 60-х годов, в Литве — в конце 60-х-начале 70- годов, а в Латвии еще раньше — превратили эти страны в сравнительно развитые по европейским понятиям регионы СССР... представление, внедряемое в 80-е годы в массовое сознание, о якобы привилегированном положении русскоязычного населения в Прибалтике, является не более чем публицистическим мифом» [15].

* * *

В юбилейный год празднования 60-летия Победы СССР во Второй мировой войне обе палаты Конгресса США вынесли резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию» Латвии, Литвы и Эстонии Советским Союзом. Глава Российской Федерации вынужден был заявить, что вопрос об извинениях России был закрыт еще в 1989 г. постановлением Съезда народных депутатов, осуждающим пакт Молотова-Риббентропа [16]. На этом историческом моменте следует остановиться подробнее.

Решение Съезда народных депутатов СССР по данному вопросу — это фак-

тически вклад новой России в дело пересмотра итогов Второй мировой войны в ущерб своим национальным интересам и интересам соотечественников, не по своей воле оказавшихся за рубежами России.

Еще на I Съезде была создана специальная комиссия по политической и правовой оценке пакта Молотова — Риббентропа под руководством А.Н. Яковлева, деятельность которой исследователи характеризуют как «пристрастную» [17]. На основании доклада комиссии, особым постановлением II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. все секретные советско-германские договоренности были признаны «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания» [18]. Своим решением большинство депутатского корпуса попыталось отменить уже состоявшуюся историю. Заметим, что не историки в научной дискуссии, а народные депутаты простым голосованием дали оценку событиям прошлого.

Российский Парламент поддержал претензии прибалтийских стран, не заботясь об исторических последствиях такого шага. Главным для новой России на тот момент было — отмежеваться от своего «тоталитарного прошлого». И еще: менее существенное. По оценкам ряда специалистов, опубликованные экземпляры представленных Комиссией А.Н.Яковлева не следует считать полностью аутентичными. В этом вопросе нет солидарного мнения историков. Тем не менее, факт наличия или отсутствия секретных протоколов, в реальной политике не является определяющим. Такого рода договоренности соответствовали международной практике того периода [19]. Так, например, секретные соглашения были между СССР и Литвой при передаче Вильно в обмен на возможность ввода определенного воинского контингента. В связи с этим, однако, никто претензий не предъявлял.

По поводу Постановления II Съезда приведем частное, но симптоматичное свидетельство, озвученное в 2005 г. непосредственным участником событий того времени бывшим депутатом Верховного Совета СССР от Латвии Мариной Костенецкой, которая сделала любопытное заявление: если бы «Съезд народных депутатов в 1989 году не признал существование секретных протоколов [20] к договору 1939 г. о ненападении между СССР и нацистской Германией ... наши «смельчаки» в Риге вряд ли бы провозгласили 4 мая 1990 г. независимость Латвии» [21].

Россия времен М.Горбачева сама дала мощный козырь в руки не лояльным к ней государствам. Решение II Съезда народных депутатов СССР стало отправной точкой во всех исторических изысканиях заинтересованной стороны, которые преимущественно сводились к следующему: «Интерпретация событий 1940 г. как насильственного присоединения прямо связана с разработкой законодательства о гражданстве в Эстонии и принципиальным вопросом — если большинство русских появилось в Эстонии для того, чтобы проводить в жизнь оккупационную политику Советского Союза после того, как Эстония была аннексирована в 1940 г., то на какой правовой основе оккупанты и их потомки могут стать гражданами восстановленной в 1991 г. Эстонской республики?». И далее: «Ответом на этот вопрос стало автоматическое предоставление гражданства гражданам Эстонской республики до 1940 г. и их потомкам, и определение законности пребывания на землях Прибалтики и других западных территориях ... советских граждан, переселившихся туда после 1939 года» [22].

Прибалтика, как известно, оказалась пионером на пути дезинтеграции единой страны. Латвия, Литва и Эстония в основание для выхода из союзного поля заложили ложный посыл, занимаясь ревизией собственной истории. Раньше других

Декларацию о суверенитете выдвинула Эстония (ноябрь 1988г.). Позднее — Латвия (4 мая 1990г.) и Литва» (11 марта 1990 г.). Все эти документы игнорируют советский период.

В той же Латвии текст Декларации «О восстановлении независимости Латвийской республики» вызвал немало споров и даже категорических возражений. Но тогда всем, работавшим на раскол и во многом не отдающим отчета своим поступкам фигурантам, вовлеченным в водоворот глобальных трагических событий разрушения державы, была открыта широкая дорога действий. Эйфория от нежданно распахнувшихся горизонтов манящей независимости при попустительстве центрального руководства СССР и безответственных действий союзного парламента, подталкивала к поиску авторитетов на Западе. Небольшая группа сторонников независимости Латвии отправилась с текстом декларации в Лондон, чтобы заручиться поддержкой «Объединения свободных латышей мира» — главной латышской эмигрантской организации. Там и внесли последние коррективы. В окончательном тексте Декларации объявлялось о восстановлении Латвийской Республики 1918 г., отрицались внутривнутриполитические причины перемен 1940 г, а выборы в Народный Сейм объявлялись фальсифицированными как проходившие в «оккупированной Латвии» [23]. Бывший депутат Верховного Совета Олег Щипцов заявил позднее: «Для меня тогда и сейчас было ясно, что 4 мая 1990 г. был сделан шаг, который приведет не только к развалу Советского Союза, но и к режиму апартеида для нелатышей...» [24]. Резко отрицательное отношение к принятой Декларации выразила Компартия Латвии (во главе с отважным Альфредом Рубиксом). Сначала в замешательстве оказался даже Президент США Джордж-Буш-старший [25]. Потом на авансцену вышел главный дезинтегратор — Б.Ельцин. В июне 1990 г. Съезд

дом народных депутатов РСФСР была принята «Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Из союзного поля выходила главная стержневая республика. Удивительные итоги голосования: 907 — «за», 13 — «против», 9 — «воздержалось». В той же Латвии [26] отнюдь не было такого безответственного единодушия.

Прибалтийским республикам открывалась иная, непростая дорога. Они уходили из стана победителей. Такая ситуация чревата разрывом межпоколенческих связей — на этой земле отцы и деды ныне живущих сражались против фашизма. Знаменитый «бронзовый солдат» — это эстонский солдат. Теперь здесь празднуют день легионеров «Ваффен-СС».

Значительная часть некоренного населения в «цивилизованных» странах Балтии превратилась в бесправных «лиц без гражданства», «граждан второго сорта», «оккупантов». В отличие от России никогда не ранжировавшей свое население, здесь только гражданам было предоставлено право быть правомочными субъектами государства. Русские истари не знавшие национальной фанаберии по отношению к другим народам, вдруг оказались дискриминируемым меньшинством.

Итак, в постсоветской Прибалтике европейского образца состоялся институт «неграждан». В Латвии, например, эта часть населения ограничена в политических правах — не могут избирать и быть избранными (в Эстонии им предоставляется право участвовать лишь муниципальных выборах). «Неграждане» ущемлены в социальных правах и в правах собственности, для них существуют запреты на профессию, ограничения в правах на получение образования, частное предпринимательство, пенсионное обеспечение. Они не могут инициировать создание организаций, защищающих их интересы. Только гражда-

нам Латвии может быть гарантирована правовая помощь за границей и т.д. На 2011 год Латвийский комитет по правам человека указывает на 80 пунктов различий между правами граждан и «неграждан» Латвии [27]. Ничего подобного при «тоталитарном режиме» не было и появилось лишь в демократической объединенной Европе, когда возникла новая, ранее неизвестная международному праву категория лиц — «неграждане».

Итак, наказанная за неправильное прошлое часть населения в Литве и Эстонии есть, а счастья нет. Страны, строящие жизнь на ложных принципах и на ненависти, будут неизменно проигрывать за отсутствием созидательного вектора в собственной идеологии. «... массовый исход населения из прибалтийских стран обрёл масштабы, выводящие его далеко за рамки общих процессов в регионе Центральной и Восточной Европы. Постсоветская Прибалтика — это уникальное явление в мировой истории. Это failed nations, несостоявшиеся нации. Страны, в которых отказался жить собственный народ, страны, из которых бегут представители титульных наций, ради существования которых эти маленькие государства и созданы. Бегут в условиях политической стабильности и отсутствия военного конфликта на своей территории. По депопуляции Латвия занимает уверенное второе место в Евросоюзе после Литвы» [28]. И дело не в большинстве титульного населения этого региона, людей вполне добродушных к русским и нередко с ностальгией вспоминающих прошлое. Главное — в векторе развития того европейского объединения, куда эти страны вступили, и полная зависимость от Запада правящих элит этих стран.

* * *

Ангажированная официальная оценка секретного протокола к договору 1939 г. требует пересмотра с позиции национальных интересов [29]. Кроме того,

следует уходить от стереотипов, заданных тем неверным временем. Сегодня существует серьезная документальная и историографическая база по рассматриваемой проблеме [30]. Пристрастные оценки того периода, когда готовилось крушение мощной державы, были естественно, тенденциозными, и сегодня они работают против российской государственности. В 2008 г. российские ученые выступили с инициативой *пересмотра решения II съезда народных депутатов СССР*. Такое предложение озвучил заведующий отделом Истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, председатель ассоциации историков Второй мировой войны О.А. Ржевский. Подобная инициатива со стороны руководителей профильных комитетов ГД РФ поддержки не получила [31].

В потерявшей государственнический инстинкт постсоветской России долгое время массовыми тиражами издавалась порочащая советское прошлое, так называемая, историческая публицистика. В общественное сознание граждан РФ прочно вошли «отголоски» книг Виктора Резуна (подписывающего свои пасквили славным в России именем «Суворов»), где он ставит под сомнение историю Второй мировой войны, ломает методологию в подходах к ее изучению. Автор этих книг [32], перешагнув через Родину и военную присягу. Главная линия в книгах В.Резуна-Суворова — доказательство агрессивности политики Сталина, и, соответственно, — Советского Союза. Эти книги были известны, лежали повсюду. Общий тираж «Ледокола» перевалил за два миллиона. Куда менее узнаваемы были представленные сравнительно небольшими тиражами книги, разблачающие эту «большую ложь» [33]. По мнению профессионалов, «...вершина исследовательского гения» В.Резуна есть повторение пропаганды нацистских преступников, пытавшихся оправдать вероломное нападение на СССР» [34].

Такие суворовы, к сожалению, представлены на телеканалах с альтернативной точкой зрения и, в этом смысле, девальвация Победы продолжается

Важно также следующее: необходимо отказываться от таких терминов, как «тоталитарное» общество, применительно к советскому прошлому. Автором этого широко потребляемого наименования является всемирно известный разработчик теории «открытого общества» австрийский философ Карл Поппер. Это пропагандистский, идеологический термин, вошедший в научный оборот на Западе и широко применявшийся в западной социологии и политологии. Он разработан противниками СССР в «холодной войне», и, кроме советских диссидентов, его не использовали в Советском Союзе. Характерно, что только в рамках этого интегрального термина можно уравнять «коммунизм» и «фашизм». В таком случае, зачем вдалбливать это словечко в сознание молодых поколений? Нужно выстраивать четкую систему реабилитации истории советского периода, а значит, необходимо договариваться о терминах.

Вернемся к теме. Внешняя политика СССР в 1939 -1940 гг.- не только страница отечественной истории. Это тесно связано с современными реалиями. Есть евангельское — «да — да, нет — нет, остальное от лукавого». Нужна четкая и ясная позиция. Российское общество, особенно молодая его часть, должны знать: рассматривать ли договор о ненападении между Германией и СССР как национальный позор или как закономерную победу руководства страны и советской дипломатии в условиях попустительства агрессору со стороны западных держав? До тех пор, пока официальная Россия не признает, что заключенный Сталиным в августе 39-го договор с Германией не выходил за рамки общепринятых в то время международных политических норм, она будет объектом

претензий. Prestиж России в мире во многом определяется тем, сумеет ли она отстоять свое прошлое и не разменять Победу на сиюминутные конъюнктурные интересы.

Вот мнение директора Балтийского центра исторических и социально-политических исследований, координатора Совета общественных организаций Латвии Виктора Гущина: «Без оценки пакта Молотова-Риббентропа в контексте международного права, действовав-

шего в 1940 году, а также без серьезного анализа внутривосточных причин событий 1940 года в Прибалтике, не только русские общины в Латвии, Литве и Эстонии будут оставаться заложниками политической концепции «оккупации» этих стран со стороны СССР, но и праворадикальные политические силы будут иметь достаточную правовую, политическую и идеологическую базу для проведения политики так называемой «деоккупации» [35].

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии (1940-1953), М., 2007. Молодой российский историк Александр Дюков доказательно, на основе архивных данных, опровергает многие политико-исторические мифы, которые эстонские историки сформировали за годы обретенной независимости. Книга сопровождается документальными приложениями.
2. См.: материалы «круглого стола» Россия и Прибалтика: компетентные ответы на исторические претензии лимитрофов (эксперты: В.В.Семиндей, О. А. Ржешевский, Н.А.Нарочницкая, И.Ф.Максимычев, А.Р.Дюков, Ю.А.Никифоров и др.). Фонд исторической перспективы 21.03.2007г. — <http://www.narochnitskaia.ru>
3. Блейере Д., Бутулис И. и др. История Латвии. XX век. Издательство: Jumava, 2005. 475 с. // <http://www.kodges.ru/nauka/history/209226-istoriya-latvii.-xx-vek.html>
4. Латвия под игом нацизма. Сборник архивных документов. М., Изд. «Европа», 2006, с. 108.
5. Ольштынский Л.И. Угроза фашистского мирового господства. История и современность. (Взгляд из XXI века). М., 2003, с.51.
6. «Линии Керзона» была рекомендована Антантой в качестве восточной границы Польши в соответствии с этническим принципом преобладания населения: к западу от неё — поляки, к востоку — украинцы, белорусы, литовцы и др.
7. *Кожин В.В.* Россия: век XX-й. М., Издат-во: Алгоритм, 1999, с.41-42.
8. Там же, с.41.
9. Цит. по: Ю.Емельянов. В сентябре 1939-го. // 23 09 2014 Фонд исторической перспективы «Столетие» http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/v_sentabre_1939-go_666.htm Оригинал: David Childs. The British Communist Party and the War, 1939-41: Old Slogans Revived. Journal of Contemporary History, Vol. 12, No. 2 (Apr., 1977), pp. 237—253 (Дата посещения: 27 июля 2017г.)
10. См. подробнее: Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940-1953. М., 2008. С. 28-43
11. См. подробнее: Демури М.В. Прибалтийский узел. Политический класс, № 4, 2005.
12. Оборонительный характер советских мероприятий в Прибалтике отмечали и иностранные наблюдатели. Германский посланник в Риге фон Котце писал, что «планы русских имеют оборонительный характер». У.Черчилль, оценивая выдвижение советской границы на запад, находил этому объяснение в необходимости для СССР создания «Восточного вала». (См.: Наумова Н. СССР и Прибалтика в 1939-1940гг., СУНЦ НГУ. Новосибирск, 2007г.).
13. См. полный текст радио-обращения президента и премьер-министра Латвии Карлиса Ульманиса 17 июня 1940 года после вступления советских войск в Латвию. Семьдесят лет назад президент независимой Латвии начал приветствовать Красную Армию.// Рига, 8 июня 2010, 12:07 — REGNUM <https://regnum.ru/news/polit/1291649.html> Дата посещения 28 июля 2017г. Оригинал текста обращения: Ulmanlaiki: legendas un fakti / Sast. Viesturs Avots. Riga: Jumava, 2005. 188-189. lpp.
14. См.: Дашичев В.И. Социально-гуманитарные знания, № 6, 2008, с.186

15. Пароль В. Особенности межэтнической социально-политической ситуации в Эстонии и основные пути ее нормализации //Русские в Эстонии (сборник статей), Таллин, 2000 , с. 34-35.
16. МИД Латвии приветствует резолюцию конгресса США. Независимая газета. 26. 07.2005г.
17. Нарочницкая Н.А. Для чего Западу нужно было обличать пакт Молотова-Риббентропа. РФ сегодня, № 15, август, 2000.
18. Фактически договор о ненападении между СССР и Германией прекратил свое действие 22 июня 1941 года, то есть, с момента нападения Германии на Советский Союз, как и все советско-германские соглашения, существовавшие на тот момент.
19. Напомним, что лишь в послевоенное время (в 1945 г.) Устав ООН закрепил более четкие принципы международного права.
20. См., например, кн.: *Кунгуров А.* «Секретные протоколы или кто подделал пакт Молотова — Риббентропа», М., 2009 // <http://iknigi.net/avtor-aleksey-kungurov/77330-sekretnye-protokoly-ili-cto-poddelal-pakt-molotova-ribbentropa-aleksey-kungurov.html>
21. Там же.
22. Выделено мною — НЛ.
23. См. подробнее: *Гущин В.* Постсоветская Латвия — обманутая страна. Балтийский Центр исторических и социально-политических исследований, Рига, 2013, с. 37.
24. Там же, с. 38.
25. Там же. С.39-40.
26. Из 201 депутата за нее проголосовали 138 при 1-ном воздержавшемся.
27. Полный перечень различий в правах граждан и неграждан — постоянных жителей Латвии. Данные Латвийского комитета по правам человека (FIDH) на октябрь 2011 года. <http://kongress.lv/ru/material/92>
28. См.: *Носович А.* Депопуляция в Прибалтике в 2016г. // <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/301216-itogi-emigratsii-2016/> 30 декабря 2016г. Дата посещения: 31 июля 2017г.
29. Наличие секретных соглашений не является чем-то исключительным в международной практике. Тем не менее, обнародованный комиссией А.Н.Яковлева секретный протокол, видимо, требует дальнейшего изучения, т.к. вызывает ряд вопросов у исследователей. Определенные сомнения связаны и с самим фактом появления этого документа в «нужном месте» и в «нужное время», тогда как ранее ни в архивах СССР, ни в архивах Германии, ни в архивах союзников он обнаружен не был.
30. См. работы: Сиполса В.Я., Олыштынского Л.И., Ржешевского О.А., Горлова С.А, Кулькова Е.Н., Мягкова М.Ю. и другие.
31. РИА Новости 05.05.2008
32. См.: Сарновский С. «Ледокол» идет вспять истории. Интервью с бывшим первым заместителем начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал-полковником А. Г. Павловым// Российская газета, 24 апреля 1994 г.
33. См.: Игорь Пыхалов «Великая оболганная война», М., 2006, Алексей Исаев «АнтиСуворов», М., 2007 и другие
34. Там же.
35. В.Гущин. О первоочередных задачах сохранения Русского мира в Латвии. 09.03.2010 <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=8992>

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

КОГНИТИВНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ИХ РОЛЬ В ПЕРИОД КРЫМСКОГО КРИЗИСА 2014 Г.

Лавринов Б.Б.

*Аспирант Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова
Эл. почта: boris@lavrinoff.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу использования событий Великой Отечественной войны в ходе Крымского кризиса 2014 г. Автор рассматривает причины обращения российских и украинских СМИ к данным событиям. Отмечается, что использование эстетики ВОВ в ходе информационных войн безальтернативно в связи с отсутствием иных значимых событий, позволяющих консолидировать общество.

Ключевые слова: Крымский кризис, крымский референдум, ВОВ, информационная война, российско-украинские отношения, историческая политика.

Lavrinov B.

*Post-graduate student
Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

COGNITIVE RECONSTRUCTIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR EVENTS AND THEIR ROLE DURING THE CRIMEAN CRISIS IN 2014

Abstract. This article is devoted to the problem of using events of the Great Patriotic War during the Crimean crisis. The author considers the reasons of applying this events in Russian and Ukrainian media. In conclusion, the author notes that the applying the GPW aesthetics has no alternatives because of the total lack of any other significant events, which could be used in social consolidation.

Key words: Crimean crisis, Crimean referendum, BOB, information warfare, Russian-Ukrainian relations, historical politics.

В рамках Крымского кризиса 2014 г. Российская Федерация была вовлечена в информационное противостояние с Украиной. Обе стороны стремились воздействовать на население Крымского полуострова, которому предстояло проголосовать на референдуме по вопросу об интеграции с Россией. Безусловно, часть населения Крыма и Севастополя была готова к активным действиям в поддержку референдума о присоединении к России. Однако на полуострове присутствовали активисты, готовые к активной защите статус-кво. Ключевая задача информационной кампании, таким образом, заключалась в нейтрал-

зации в информационном пространстве сторонников украинского Крыма и популяризации пророссийских взглядов и отдельных лидеров данного движения.

Сообщения газет, телевидения в период февраля-марта 2014 г. эмоционально окрашены, задают пространство для примитивной интерпретации событий в рамках систем «свой-чужой» и «добро-зло». Особо стоит заметить, что СМИ России и Украины прямо или косвенно вызывают к национальным[1], патриотическим[2] чувствам жителей обоих государств. Люди побуждаются к массовым действиям на основе коллективных мифов об историческом

прошлом и самосознании. Особенно активно обе стороны информационной войны используют тематику Великой Отечественной войны и событий, связанных с ней (аншлюс Австрии, Мюнхенский сговор, Нюрнбергский процесс). Эксплуатируются сюжеты и символика предвоенных лет, праздника 9 мая, войны и победы. Врагам приписываются характеристики нацистской Германии, лидеры страны-конкурента обзаваются своими карикатурными клонами в рядах руководства Третьего Рейха. Подобного рода историко-политические коллажи имели место и ранее, однако сравнения с эпохой 1930х -1940х гг. прежде не достигали такого размаха. Представляется возможным найти несколько объяснений обращения СМИ к тематике ВОВ.

1. Деградация образования. Невозможность проводить иные исторические параллели ввиду когнитивной сложности моделей.
2. Массовость использования эстетики 1930х и 1940х гг. создает эффект погружения в эпоху и электорат начинает однозначно воспринимать, предоставляемую ему информацию. Снижается вероятность неверной интерпретации информационного сообщения.
3. Конвейерный характер журналистского труда, необходимость регулярного предоставления больших объемов информации требует упрощения используемых журналистских приемов, поэтому у авторов нет места для эпистолярного разнообразия.
4. Погружение в эстетику великих событий прошлого льстит электорату, поскольку значительно приумножает ценность его действий. Повышается степень вовлеченности граждан в происходящие процессы, что позволяет удерживать внимание публики на теме Крыма в течение относительно длительного промежутка времени.

Таким образом, обращение СМИ к периоду ВОВ выполняет двоякую цель. С одной стороны, наблюдается явное повышение оценки значимости действий, совершаемых участниками Крымских событий. С другой стороны, параллели, проводимые с событиями войны, позволяют людям отождествлять свою борьбу с героизмом защитников Севастополя и Крыма в годы ВОВ. В референтных группах крымчан пророссийские действия становятся социально одобряемым, получают однозначно позитивную оценку представителей старших поколений.

Особенно важным представляется участие в крымских событиях для поколений среднего и старшего возрастов (более 30 лет), получивших еще советское образование. Для них события Крымского кризиса 2014 г. — возможность доказать, что они достойны своих героических предков. Рассмотрим причины возникновения подобной мотивации.

Начиная с первых послевоенных лет, общество воспринимает модель нравственного воспитания: ветераны-отцы передают эстафету своих побед последующим поколениям. Ценностная связь поколений осуществляется при помощи массовой культуры, личных встреч с участниками войны, демонстрации военных знамен и т.д. Дети войны стремятся транслировать ценности, связанные с войной, своим детям- внукам победы. Отметим, что ветераны являются центром воспитательной системы, поскольку это живые свидетели, чьи рассказы о войне могут служить примером при воспитании новых поколений. В условиях СССР (до 1990-х гг.) ценности войны дополнялись сознанием общества идеологическими конструкциями коммунизма, представлениями о советском человеке и особой исторической миссии советских людей. Значимость войны в общественном сознании дополнялась ис-

кусственными идеологическими надстройками.

В период 1990х гг., в условиях распада идеологии и связанной с ней системы ценностей, общество переживает кризис идентичности, поскольку исчезают стройные и понятные идеологические основания общественного консенсуса. Наступает идеологический вакуум, заполнить который государство не может в силу прямого запрета пропаганды согласно статье 13 Конституции РФ 1993 г. Однако и гражданское общество через общественные организации или партии не может предложить ценности и идеалы, которые бы обеспечивали сплочение людей. Сказывается незрелость политической системы, кризисное состояние общества 1990-х и явное отторжение либерально-демократических ценностей, с которыми общество связывает провалы в экономике и падение уровня жизни.

В этих условиях единственной актуальной ценностью, которая позволяет сплотить максимально широкие слои общества, становится победа в ВОВ. Именно в 1990-х парады Победы на 9 мая становятся ежегодными. В публичном пространстве делается особый акцент на чествование ветеранов. Высшие лица государства, лидеры общественного мнения год от года повышают значимость праздника Победы в глазах россиян. День победы вытесняет из праздничного пантеона россиян некогда главный праздник страны — 7 ноября. Вялые попытки властей популяризировать 12 июня (день России) оставляют общество равнодушным.

Понимая значимость 9 мая в глазах россиян и объединяющее значение этого праздника, власть расширяет географию и масштаб торжеств. Празднование продолжается по классической схеме: ветераны-победители передают своим внукам особую общественную ценность — победу. Данный факт способствует патриотическому воспита-

нию общества и его консолидации. То есть выполняются те задачи, в решении которых остро нуждается власть. Через праздник бурлящее, нигилистическое российское общество 1990-х гг. пытается примириться с советским прошлым. Отдавая должное победителям средние и старшие поколения находят объяснение своей жизни и взглядов перед лицом молодежи. Последняя находится в конфликте с поколениями своих отцов и дедов, поскольку подвергается воздействию резко негативного информационного фона, создаваемого вокруг советской действительности в эпоху открытия архивов и массового распространения как объективной, так и крайне субъективной литературы (с использованием типичных «штампов») о советском периоде истории.

В Великой Победе власть и общество находят консенсус, примирение с прошлым и оправдание перед молодежью. В 2000-е гг. торжества по случаю победы усиливаются, новые информационные технологии открывают доступ к более эффективным и интересным способам демонстрации масштабности и массовости праздника. Вместе с тем один из центральных элементов праздника исчезает под безжалостными ударами временного фактора и снизившейся в 1990-х гг. средней продолжительности жизни. Ветераны войны уходят из российского общества в силу естественной смены поколений. Значимость ветеранов для праздника трудно переоценить. Они — наглядные свидетели исторических событий, живые носители национальной мифологии, выполняющие важнейшую задачу патриотической социализации новых поколений.

Замещение поколений приводит к тому, что пожилые люди — это уже не ветераны войны, а в большинстве своем представители послевоенных поколений или же «дети войны», которые несмотря на трудности, испытанные ими в послевоенные годы, уже не могут

считаться в прямом смысле участниками священной войны, носителями сократельного подвига. Однако общественный запрос на общение с ветеранами есть и престиж их положения растет. Популяризируется традиция одеваться в военную форму эпохи войны на 9 мая, о войне внукам начинают рассказывать дети ветеранов. Наряду с этим власть пытается дополнить празднование победы новыми вещественными символами Победы. Новое символическое наполнение праздник находит благодаря акциям «Георгиевская ленточка», а затем и «Бессмертный полк». Показателем общественного запроса на общение с подлинным участником войны становится появление так называемых «ряженных» — пожилых людей, которые, стремясь казаться ветеранами войны надевают чужие награды [3].

Таким образом, старшее поколение в силу естественных причин уже не может в полной мере реализовать модель социализации молодежи, при которой новые поколения получают воспитание от живых свидетелей войны. События ВОВ размываются историческом сознании россиян. На фоне объективного снижения качества исторического образования война мифологизируется и упрощается в массовом сознании. Пытаясь остановить процесс забвения события войны власть и общественные активисты стремятся популяризировать подвиг героев войны среди молодежи. В результате образуется статусный вакуум, в рамках которого поколения послевоенных детей, несмотря на пережитые ими трудности послевоенной разрухи, оказываются в менее статусном положении, нежели военные поколения.

В этом контексте события 2014 г. в Крыму становятся площадкой, на которой общество демонстрирует усвоение тех ценностных установок, которые оно старательно усваивало в последние десятилетия своего существования. Стоит отметить нарочитую внимательность

к событиям войны в период Крымского кризиса. Символом сторонников «российского Крыма» сразу же становится георгиевская ленточка — очевидная попытка овеществления преемственности поколений. Данный символ приписывает пророссийским активистам явно позитивные характеристики, которые транслируются с позитивных оценок Дня Победы.

Российские СМИ, на основе любезно предоставленного украинской стороной обращения к культу личности Степана Бандеры, приписывает проукраинским силам характеристики оккупантов, нацистских сторонников, т.е. тех сил нацизма, с которыми «воевали деды». На историческое сознание оккупации накладывается актуальная идея «двадцати лет украинской оккупации», которая крайне удачно вписывается в исторический контекст оккупации Крыма.

Удачным ходом для Москвы становится монополизация права на ассоциацию с Красной армией — освободительницей. Киев изначально разрывает свои связи с советским прошлым, культивирует непопулярную в массовом сознании крымчанидею преемственности украинской государственности по отношению к Украине Грушевского и УПА Бандеры. Одновременно киевской властью нивелируется связь между современной Украиной и Украинской ССР.

Активное использование эстетики периода 1930х-1940х превращает события Крымского кризиса в масштабную историческую реконструкцию, основанную на психологических приемах ролевых игр. По мере включения все больших слоев населения в происходящие процессы можно говорить о феномене когнитивной исторической реконструкции, при которой люди становятся участниками симулируемого продолжения давно прошедших событий. Представляется существенным отметить несколько черт данного явления.

1. Сочетание ставших традиционными ценностей «священной войны» с постматериальными ценностями. Люди, говорящие о том, что продолжают дело своих предков, не всегда готовы к реальным боевым столкновениям. Жители Крыма устраивают преимущественно мирные акции, которые, однако, дают им необходимый эффект социального заражения, позволяющий постоянно наращивать число активных участников акций. Кроме того, подчеркивается мирный характер действий и нежелание реального кровопролития.

2. Максимальное воспроизведение эстетики эпохи войны. Люди объединяются в «народные ополчения», заявляют о готовности к «партизанской войне». На улицах звучат военные патриотические песни, среди пророссийских активистов заметны флаги СССР и георгиевские ленточки.

3. Активными участниками массовых социальных революций являются, как правило, представители молодежи. Представители этой возрастной группы были наиболее активными участниками волнений в Киеве, беспорядков на Майдане. Однако молодежь в Крыму не могла стать главной силой протестов, поскольку это привело бы к очевидным параллелям с Киевом. Кроме того, молодые люди в украинских школах воспитывались на основе крайне нестабильных исторических оценок (за время учебы одного поколения школьников относительно умеренные учебники по общественным наукам несколько раз заменялись на национально ориентированные украинские). У молодежи Крыма в отличие от их российских коллег не мог сформироваться в полной мере набор образов, отражающей российское отношение к войне. Именно поэтому движущей силой акций становятся представители среднего возраста. Многие из них — бывшие ветераны Чеченской и Афганской войн. Стоит заметить, что относительно этих воен-

ных конфликтов общественный консенсус не выработан. Общество, зачастую, стыдится этих войн, стремится забыть о них, что приводит к забвению действительных подвигов обыкновенных солдат и офицеров. События в Крыму позволяют ветеранам Чечни и Афгана доказать свою общественную полезность, обрести наконец подобающее их статусу и заслугам общественное одобрение. Ценностно и мировоззренчески данные категории населения оказываются наиболее близки к ветеранам войны. В отличие от более старших или же младших поколений они были участниками реальных боевых действий, т.е. в состоянии привнести реализм в массовое обращение к эстетике 1930х-1940х гг. В пользу ветеранов Афгана и Чечни говорит и тот факт, что они традиционно имеют эффективные каналы латентной коммуникации и при помощи горизонтальных связей могут осуществлять мобилизацию с высокой степенью эффективности и дисциплинированности.

Средний возраст представителей данных групп также является позитивным фактором их мобилизации: они еще сохраняют физическое здоровье и ценные военные навыки, имеют достаточно устойчивые ценностные ориентации. Очевидно, что поколения Афгана и Чечни переживают свой ренессанс, при котором они и их ценности не только востребованы обществом, но и получают публичное распространение через СМИ.

4. Президент России В.В. Путин совершил свой первый визит в Крым после референдума в символически значимый день 9 мая. Это новое обращение к теме войны имело широкий резонанс в СМИ. Стоит заметить, что удачно выбранная дата визита символизирует особую историческую значимость Крыма для РФ, что имеет значимость информационно-пропагандистского характера. Совершение визита в столь значимый день подрывает позиции украинской стороны в части критики посещения главой РФ Крыма.

Отдельного внимания заслуживают информационные атаки Украины, призванные противодействовать активности российских медиа. Примечательно, что героизация УПА не мешает властям Украины также участвовать в когнитивной реконструкции событий 1930х-1940х гг. Российские солдаты в украинской прессе — «аналоги нацистских оккупантов», президент Путин — «Гитлер, алчущий восстановления империи», а референдум по Крыму — «аналог аншлюса Австрии». Основная проблема данной позиции заключается в том, что украинской стороне приходится лавировать между критикой СССР и нацизма. Не выполняется основное условие эффективной пропаганды — формирование ярких, однозначно воспринимаемых образов врага, которые позволили бы выстроить идентификацию в рамках комплекса «свой-чужой».

Мешает украинской стороне невозможность применить к себе позитивный образ Красной армии в силу официальной киевской идеологии. Запоздалые попытки украинских СМИ отобрать у российских коллег монополию на использование образа Великой победы Украина предпримет только накануне 9 мая 2014 г., когда на экранах телеканалов Украины появляются рекламные ролики, в которых ветераны Красной армии с маковыми розетками рассказывали о том, как сражались за мир и единство Украины[4] (абсурдное, постмодернистское зрелище, иронически обыгранное в информационных сообщениях российских социальных сетей). И если на территории Украины громоздкость и противоречивость когнитивной картины нивелировалась за счет массовости информационных сообщений и возможностей по подавлению альтернативных взглядов, то в информационном поле Крыма украинцев ожидал явный провал, т.к. отношения общества к происходящим событиям было уже сформировано на

основе российских СМИ. В силу обозначенных причин украинские материалы, пригодные для информационного противостояния с Россией на континенте, оказываются неэффективными в Крыму.

События Крымского кризиса позволяют сделать ряд практических выводов. Прежде всего, доказана эффективность использования Победы в ВОВ в качестве консолидирующей общественной идеи. Вместе с тем, события войны очевидно должны стать объектом информационных атак со стороны соперников России в дальнейших информационных войнах. Использование эстетики ВОВ во время Крымского кризиса 2014 г. следует признать оправданным. Обращение к данной тематике ставит под удар украинскую идентичность, которая старательно формируется украинскими властями на протяжении последних десятилетий. Попытки Киева заменить прошлое в массовом сознании мифами о героическом настоящем показывают свою неэффективность. На фоне попыток постмайдннй власти Украины найти идейные основания украинского государства в «заслугах» ветеранов УПА, российские СМИ успешно используют тематику ВОВ для информационного противоборства украинской пропаганде.

России следует продолжать контрпропагандистскую деятельность в отношении Украины. В этой связи актуализируется вопрос позиционирования России в молодежной среде. Контекст информационной войны в 2014 г. также указывает на значимость распространения в Крыму исторического образования, основанного на российской школьной программе. Российскому обществу в целях поддержания информационной безопасности необходимо находить в истории и популяризировать иные исторические события, способные обеспечить общественный консенсус.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Россия 1. Фильм «Крым. Путь на Родину» вошёл в десятку лучших на YouTube. [Электронный источник] URL:https://russia.tv/article/show/article_id/27272/brand_id/59195/type_id/3/
2. Апостроф. Всего за неделю Крым сошёл с ума: очевидец о подробностях «референдума». [Электронный источник] URL:<https://apostrophe.ua/article/society/2016-03-16/vsego-za-nedelyu-kryim-soshel-s-uma-ochividets-o-podrobnostyah-referenduma/3746>
3. Комсомольская правда. Отстаньте от «ряженных» ветеранов. [Электронный источник] URL:<https://www.kp.ru/daily/26355/3237827/>
4. Vgorode.ua. На билбордах ко Дню Победы ветераны призвали к единству Украины [Электронный источник] URL:<https://kiev.vgorode.ua/news/sobytyia/221794-na-bylbordakh-ko-dnui-pobedy-veterany-pryzvaly-k-edynstvu-ukraynu>
5. Манойло А.В. Глобальная нестабильность на пороге новой большой войны. // Мир и политика. — 2012. — №12. — С. 87-89.

ГВАДЕЛУПА: ВОСПОМИНАНИЕ О РАБСТВЕ

Филиппов В. Р.

Гл. ред. журнала «Конфликтология/nota bene»,

д.и.н., в.н.с. Института Африки РАН.

Эл. почта: fvr1957@mail.ru

Аннотация. Гваделупа — один из заморских департаментов Франции. Все население этого процветающего острова Антильской гряды не превышает 500 тыс. человек, более 90 процентов всех гваделупцев — темнокожие потомки африканских рабов, завезенных сюда французскими плантаторами в период с 1635 по 1848 гг. Гваделупа — это вполне органичная часть Пятой республики, являющая собой образец экономического благополучия и социальной гармонии. В пестром калейдоскопе идентичностей островитян явно преобладает осознание принадлежности к европейской цивилизации и единой французской нации. Однако по сей день в массовом сознании потомков африканцев, насильственно перевезенных сюда для работы на плантациях сахарного тростника, остаются психологические стигмы, порожденные воспоминаниями о преступлениях, совершенном по отношению к их предкам. Историческая память о рабстве оказалась чрезвычайно устойчивой, она продолжает болезненно деформировать общественное сознание этой части граждан Французской Республики.

Ключевые слова: Франция, Гваделупа, Африка, рабство, работорговля, историческая память, африканцы, мулаты, креолы, общественное сознание.

Filippov V.

Ch. Ed. journal "Conflictology / nota bene",

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher Institute of African Studies.

GADELOUPE: REMEMBRANCE OF SLAVERY

Abstract. Guadeloupe is one of the overseas departments of France. The entire population of this thriving island of the Antilles does not exceed 500 thousand people, more than 90% of all Guadeloupe are black descendants of African slaves brought here by the French planters during the period from 1635 to 1848. Guadeloupe now is quite an organic part of the Fifth Republic, which is an example of economic well-being and social harmony. In the colorful kaleidoscope of identities of the islanders, the awareness of belonging to European civilization and the common French nation clearly prevails. However, to this day in the mass consciousness of the descendants of Africans forcibly transported here to work on the plantations of sugar cane, there are psychological stigmata generated by memories of a crime committed against their ancestors. The historical memory of slavery proved extremely stable, it continues to painfully deform the public consciousness of this part of the citizens of the French Republic.

Key words: France, Guadeloupe, Africa, slavery, the slave trade, historical memory, Africans, mulattoes, Creoles, public consciousness.

Одним из самых очевидных результатов второй мировой войны стал развал колониальных империй. Не будучи в состоянии противостоять тем геополитическим сдвигам, которые произошли в мире после второй мировой войны, Франция сделала все, чтобы сохранить свое политическое, экономическое и военное присутствие на огромных пространствах, которые входили во Французскую империю и составляли основу ее могущества.

Шарль де Голль, возглавивший Пятую республику в 1958 г., соизмерял желаемое и возможное. Перед ним стояла сложнейшая задача предоставить суверенитет зависимым территориям таким образом, чтобы метрополия могла сохранить в своих бывших владениях эксклюзивные и никем не оспариваемые экономические, политические и стратегические преференции.

В Индокитае это сделать не удалось [1]. В Африке удалось лишь отчасти, благо-

даря реализации во внешнеполитической практике военно-политической доктрины «Франсафрик» [2]. Но путь военных акций и военно-политических интриг оказался слишком дорогим и провоцировал нежелательный для Франции резонанс в мировом сообществе. Куда более результативным и менее затратным оказался путь интеграции некоторых территорий в состав Французской республики. Так, на карте мира появились заморские департаменты Франции

(Гваделупа, Мартиника, Гвиана, Реюньон, Майотта) и заморские сообщества (Сен-Мартен, Сен-Бартельми, Сен-Пьер Микелон, Французская Полинезия).

Казалось бы, Гваделупа — маленький рай, затерявшийся в Вест-Индии, на востоке Карибского моря. Площадь этого вулканического острова Антильской гряды, поросшего тропическим лесом, всего 1628 кв. км. Живут здесь около полумиллиона гваделупцев (404 635 чел. по данным переписи 2011 г.).

РАБОТА ПАМЯТИ

С первых часов пребывания на Антилах всякий заинтересованный наблюдатель, а тем более антрополог, явственно ощущает холодную тень прошлого, нависающую над этим сияющим тропическим раем. Прежде всего, изумляет обилие книг местных авторов, посвященных рабству в истории Гваделупы. Толстые, отлично изданные фолианты в ярких суперобложках... Совсем не дешевые, даже по французским меркам. Эти книги можно встретить и в книжных магазинах, и в сувенирных лавках и даже в продуктовых супермаркетах! Но если есть такое предложение, значит, есть и соответствующий спрос, значит, есть и очевидный общественный интерес к проблеме!?

Уже потом, в разных уголках Гваделупы, в маленьких прибрежных городках встречали мы столь характерные памятники восставшим рабам, разрывающим цепи, скульптуры героев и идеологов освобождения рабов на Антилах... Вдоль дорог, на каменных парапетах, и на стенах домов видели мы граффити, призывающие помнить и дату освобождения, и имена освободителей... Мы видели частный музей рабства — «Лестницу рабов»... И в глазах наших собеседников появлялась боль, как только речь заходила о рабстве. Все это было тем более удивительно, что Гваделупа — департамент самой свободной европейской

страны! Со дня отмены рабства минуло уже более двухсот лет, и лишь самые древние старики могут сказать, что помнят своих предков, бывших рабами. Гваделупцы — французы, это вполне органичная часть французской гражданской нации, едва ступив на трап в аэропорту Пуэнт-а-Питра, вы понимаете, что вы во Франции, что вы в Европе, как бы парадоксально это ни прозвучало.

И, тем не менее, тема рабства весьма и весьма актуальна для гваделупского социума. Мартиникский писатель и философ Э. Глиссан любит повторять, что «антильские общества зародились в трюмах невольничьих кораблей и выросли на сахарных плантациях» [3]. Без осознания этого факта решительно ничего нельзя понять в нынешнем состоянии умов гваделупцев, в их теперешнем миропонимании и понимании себя в этом мире. Ж. Пино с горечью восклицает: «Рабство! Проклятое рабство, отметившее негров печатью проклятия! Сколько тех, кто из-за этого наследия и сегодня ищут забвения в бутылке рома, сходят с ума, становятся подручными братьев Вельзевула» [4].

То, что идентичность гваделупцев «не коренилась в стране исхода, но целиком формировалась на рабовладельческих плантациях под давлением колониальной системы отношений, лежавших в основе всего» [5], — констатировал М. Жиро.

Д. Махимин, напротив, утверждает, что «идентичность не родилась из рабства, она родилась вопреки рабству», что «именно сопротивление рабству сформировало карибские идентичности во всем многообразии их культурных составляющих» [6]. Однако и в том, и в другом случае рабство, пусть проклинаемое, все равно выступает в роли системообразующего фактора формирования идентичности.

Мы говорили об этом сюжете со многими гваделупскими учеными и обывателями. Ж. Дагомей, известный на острове философ и публицист, когда мы выразили свое недоумение по поводу общественного интереса к теме рабства, вскинул глаза и долго молчал... У нас возникло ощущение, что он удивлен нашей непонятливостью и старается тактично спрятать свою досаду. После долгой паузы он объяснил это так, словно беседовал с неразумными детьми: «В момент второй и окончательной отмены рабства в 1848 г. французская Республика сказала: «Забудем прошлое, забудем о рабстве». Что и было сделано, в частности, в системе образования. До самого последнего времени о рабстве не упоминалось. Страницы прошлого, связанные с рабовладением, были мало известны, оно как бы отрицалось. Но лет 20-30 назад интеллектуалы стали выступать за возвращение памяти о рабстве, считая, что для идентичности антильцев это важно и даже необходимо. Началась борьба за возвращение прошлого. Формирование антильской идентичности проходило через возрождение интереса к истории, через работу памяти. Когда я был ребенком, о рабстве еще не говорили. Это была как бы постыдная страница нашего прошлого. И только начиная с 1970-х гг. антильцы начали говорить вслух о своей идентичности и своей истории. Тема рабства заняла центральное место в научных исследованиях. Но ошибка заключается в том, что история с момента отмены рабства

вплоть до наших дней остается в тени. Тогда как, на мой взгляд, именно этот период стал решающим в формировании антильской идентичности. Я считаю, что прежде чем забыть, и для того чтобы забыть, о прошлых конфликтах, страданиях и несправедливостях, нужно сначала признать и принять их. Но в том, что происходит на Антильских островах, есть своего рода навязчивая одержимость прошлым. И это уже патология, это ненормально. Только и слышишь: рабство, рабство... Сегодняшней молодежи, школьникам и студентам уже надоели эти бесконечные разговоры. Нельзя становиться рабом рабства. Можно подумать, что у нас нет больше ничего, на что могла бы опираться наша идентичность, до такой степени мы цепляемся и цепляемся за рабство. Это уже не освобождающая память, это больная память. Есть два возможных подхода к теме рабства: либо понять, принять его и двигаться дальше, оставив эту историю позади, либо хранить в душе обиду и злопамятность, и тогда двигаться вперед невозможно. Забвение необходимо, но прежде чем забыть, надо узнать и признать прошлое, именно для того, чтобы подняться над ним. Иначе мы создаем застывшую, патологическую идентичность, лишенную возможности творческого развития. Я думаю, что причина неуспеха движений за независимость именно в том, что они были слишком зациклены на прошлом, на рабстве. Между тем основная проблема в связи с независимостью состоит в том, может ли антильская идентичность иметь политическое выражение» [7].

Мысль о том, что интерес к теме рабства возник лишь недавно, что еще в середине прошлого столетия говорить об этом было не принято, мы находим и в мемуарах Ж. Пино: «Наши расспросы о рабстве приводят родителей в замешательство. Они хотят, чтобы мы жили сегодняшним днем, не ворошили прошлое, не копались в пыльных сундуках,

хранящих в себе стыд и унижение потомков рабов, африканских негров» [8]. Впрочем, существовала некая устная традиция, рассказы о рабстве передавались из поколения в поколение, старики, еще помнившие рассказы своих предков, знакомых с кандалами не понаслышке, доносили эти печальные воспоминания до своих внуков. Мерелин, пожилая булочница из местечка Дее, с грустью сказала нам: «Это часть нашей истории, то, что пережили наши предки. Когда мы говорим о рабстве, у нас болит душа и теперь. Дедушки и бабушки нам много рассказывали об этом» [9]. Но достойным публичного дискурса тема рабства на Гваделупе стала лишь в 80-е годы прошлого столетия.

Изжить травмы прошлого посредством дискурсивных практик, осознать и осмыслить то, было абсолютным злом в прошлом, сделать это предметом дебатов. По мнению многих антильских мыслителей именно таков путь к прощению и забвению. Как пишет Д. Максимиин «недостаточно изучать рабство, нужно изучать историю колониальных обществ, чтобы признать то, что долгое время скрывалось и замалчивалось: борьбу против колониализма, против рабства, и победу в этой борьбе» [10].

В одной из наших поездок по островам, в местечке Петит Каналь, на воротах небольшого домика бы обнаружили табличку с надписью «Музей рабства». Мы спросили у хозяйки, стоявшей в дверях, где же этот музей? «Вот он!» — ответила она и сделала широкий жест рукой... Неподалеку стоял монумент — раб, встающий с колен. Дорога упиралась в старинный причал и вела к массивной каменной лестнице. На перилах ее сохранились деревянные таблички: «конго», «йоруба», «фульбе»... Здесь был рынок рабов, на развалинах старинной каменной тюрьмы выросло могучее дерево.

Темнокожая женщина представилась как Дануж Патини, Хранительница Памяти. Она по собственной инициативе

создала Ассоциацию — «Комитет защиты Лестницы рабов», провозгласила это печальное место музеем... «Рабство — это наша история, рассказывает Хранительница Памяти. Ее нужно знать. Наша ассоциация была создана в 2002 году специально для того, чтобы придать значимость этому месту. Сюда приходят люди со всего света, и я всем им рассказываю о рабстве. Среди посетителей много пенсионеров, школьников, различные общественные ассоциации, но кроме того коммерсанты, руководители предприятий. Самые разные люди. Я стараюсь рассказать им то, что я знаю сама, что мне рассказали мои родители об этом месте и вообще о нашей истории. Часто приходят писатели, историки, работающие над книгами о Гваделупе... Что я хочу сказать, так это то, что это место меня очень внутренне обогатило. И поскольку это место нуждалось в людях, которые бы им занимались, я пришла сюда. Это непросто, работать здесь. Люди приходят разные, нужно следить, чтобы они вели себя соответственно, как подобает в памятном месте. Это место — одно из немногих сохранившихся на Антильских островах мест, связанных с историей рабства. Многие люди не хотят вспоминать это ужасное время, но это наша история, и нужно знать ее такой, какой она была. Надо сказать, что мне почти никто не помогает, не знаю, почему. Дело не в том, что мало добровольцев. Это вопрос политический, а политика не всем близка. Есть много культурных ассоциаций, в которых люди участвуют с удовольствием и с энтузиазмом. А тут другое. Это место пользовалось дурной славой, здесь многие умирали, потому что путешествие по морю в трюмах кораблей было очень тяжелым. Многие не выдерживали, заболели, умирали. Другие погибали в тюрьме. Все это сделало это место мистическим, оно внушало страх. Здесь до сих пор как будто чувствуется присутствие всех этих тысяч и тысяч рабов, прошед-

ших этим путем. Я, по крайней мере, ощущаю его очень сильно. Людей трудно изменить, изменить их менталитет. Поэтому я здесь. Сюда не каждый может придти — не так, как вы пришли, посмотреть и уйти, а придти и остаться. Надо, чтобы это место тебя позвало и приняло. Я оказалась здесь не потому, что так захотела, сделала такой выбор. Можно сказать, что место выбрало меня. По ночам мне являлись тени, человеческие существа, которые говорили: «Ты должна быть там!». Это очень сильное чувство, которому трудно дать название. Как будто невидимые руки направляли меня, и, сама не знаю как, я оказалась здесь, где раньше жила наша семья. Я превратила в музей нашу семейную собственность, и работаю на добровольных началах. И поскольку я считаю это место очень важным для нашей памяти, я буду продолжать свою борьбу».

И дальше Д. Патини сказала то, что мы уже слышали от Ж. Дагомея. Вновь прозвучала мысль о том, что отказ от прошлого возможен лишь при условии его познания и признания. Именно это способно не только примирить человека с его трагическим прошлым, но и почувствовать в себе африканца, почувствовать без горечи и обиды. «Я считаю, что некоторые люди отказываются от своих африканских корней потому, что не была проделана необходимая работа памяти. Некоторые этапы нашей истории замалчиваются, предаются забвению, и это достойно сожаления. Каждый должен знать, откуда он происходит. У каждого из нас есть своя история,

свои истоки. Без корней человек ничто, они — необходимая основа. Прошлое надо принять и оставить позади, это позволит избавиться от затаенной горечи. У нас рождаются дети, и детям необходимо знать свое прошлое, чтобы они могли продолжать историю, двигаться в правильном направлении. В любом прошлом, в любой истории есть неудобные факты, но есть и то, чем можно гордиться. Я лично не испытываю никакой неловкости по поводу нашей истории» [11]. Остается удивляться силе этого внутреннего побуждения, заставляющего человека посвящать свою жизнь сохранению трагической и болезненной памяти. Именно эта одержимость вновь и вновь пробуждает и будет пробуждать так удививший нас интерес темнокожих антильцев к тем сюжетам, которые легче было бы забыть.

Впрочем, память о рабстве в известной степени культивируется темнокожими гваделупскими интеллектуалами. Обыватели воспринимают эту проблему менее эмоционально. Одна из наших собеседниц сказала по этому поводу: «Да, действительно в магазинах много книг о рабстве, бывают передачи по телевидению. Есть праздник — день отмены рабства. Дети изучают эту историю в школе, но я бы не сказала, что она особенно их интересует. За пределами школы они об этом не говорят, по-моему. Мы дома никогда об этом не говорили. В то же время, хотя люди хотят, как мне кажется, забыть о рабстве, это не так-то просто. Думаю, эта память никуда не исчезнет» [12].

ШОКИРУЮЩАЯ КОСМОГОНИЯ

Над ментальностью гваделупцев довлеет страшное прошлое и время не властно над исторической памятью. В основе самопознания лежит ущербная космогония: основополагающий миф о происхождении — океан, корабль, насилие белого мужчины над черной жен-

щиной... Они ощущают себя зачатými вне времени и пространства, людьми без истории, без корней, без земли предков. Архетип матери гваделупца стигматизирует его сознание — она жертва насилия и ей отказано в уважении. Так же как отказано в уважении темнокожему муж-

чине, который не смог защитить свою женщину. Архетип отца — жестокий работорогвец, надругавшийся над матерью, а потому ему отказано в любви. Конечно же, эта шокирующая космогония вербализована и культивируется лишь некоторыми гваделупскими интеллектуалами. У нас нет оснований думать, что таково состояние умов всех темнокожих жителей Гваделупы. Но в пользу того, что ментальность островитян травмирована исторической памятью, говорят многие факты и об этом писали многие исследователи этого уникального сообщества.

Ж. Пино, парижанка, бабушка которой родилась на Гваделупе, пишет по этому поводу: «Женщины, которые должны были лавировать между миром хозяев, белых, и миром черных рабов. Они были подругами этих мужчин, обращенных в рабов, и в то же время они могли забеременеть от своего хозяина и родить ребенка-метиса, мулата... Эти женщины, считавшиеся предательницами, дорого за это заплатили. Надо понять, что метисация осуществлялась посредством тела черной женщины. Что же до черных мужчин той эпохи, то они были лишены права на отцовство, они не могли сказать: «Это моя жена, это мои дети», поскольку женщины и дети были в первую очередь собственностью хозяйина. Таким образом, на женщинах лежит вина, которую они никак не могут искупить, своего рода долг, запечатленный в их плоти и в их памяти, который они несут в себе более чем 150 лет спустя после отмены рабства» [13].

Вероятно, именно поэтому, и по сей день, гваделупские женщины осознают себя на периферии этого социума, ощущают не только расовое и социальное, но и гендерное неравенство. Как свидетельствует Ю. Белльмар, «образ женщины чрезвычайно принижен в антильских обществах, за ней признают лишь одну роль — матери» [14]. Весьма показательно, что в романах антильских писателей

женщина часто предстает в единственной ипостаси, как мать. Женщина как супруга, подруга или объект ухаживаний в них обычно отсутствует.

И, при всем том, женщина в этом обществе играла и поныне играет особую, почти сакральную роль. То, что не могли простить темнокожей женщине ее африканские братья, в то же время делало ее посредником между черным и белым мирами. В прошлом, забеременев от белого мужчины, черная женщина давала шанс на свободу своему потомству. Сейчас ребенок, рожденный темнокожей матерью от белого отца, имеет большую социальную потенцию, имеет больше шансов успешно воспользоваться теми возможностями, которые дает ему Французская республика.

Одна из наших собеседниц удивила нас неординарностью своих суждений по этому поводу. Для нее метисация вовсе не означает унижение африканской женщины. Напротив, это повод для самоутверждения. «Метисация началась задолго до отмены рабства. И благодаря этому каждый из нас сегодня может быть уверен, что среди его предков были не только мученики, жертвы, но были и свободные люди (собственно, сама рассказчица и вовсе не признает наличия среди своих предков рабов: по отцовской линии — африканцы, свободно приехавшие на заработки, к тому же, упоминает она вскользь, это были люди не просто «порядочные», но и «из благородных»; по материнской — европейцы-моряки, дети которых — даже от «черных» рабынь — рабами уже быть не могли — авт.). Это знание помогает примириться с прошлым, в котором, конечно, было очень много страданий, но было и что-то кроме этого. Это наша история, и она такая, как есть» [15].

Впрочем, взаимоотношения полов на Гваделупе имеют и обратную сторону. Браки между белой женщиной и темнокожим мужчиной до сей поры скорее экзотика, чем обыденность. И такие браки

в общественном мнении оцениваются весьма неоднозначно. Парижанка Фабиен, давно поселившаяся на острове и имеющая небольшой магазинчик сувениров на пляже в Рифле, посетовала на то, что ее замужество было встречено соседями с осуждением: «Тот факт, что мой муж женился на мне, иногда плохо воспринимается. Его друзья недовольны, что он живет с белой, они думают, что это из-за денег» [16].

Странно, но факт: браки между людьми с различными оттенками кожи и поныне интерпретируются на Гваделупе как нечто ненормальное, как стремление к достижению какой-то цели, далекой от семейного счастья. И это не зависит от того, кто из супругов имеет смуглую кожу, а кто — белую.

Что касается потомков бывших рабовладельцев — беке, то их брачные

предпочтения остались неизменными на протяжении столетий. Беке — наиболее закрытая община на острове и браки заключаются исключительно внутри этой общины. Философ Ж. Дагемей с заметной горечью констатировал: «Беке женятся в основном между собой. Белый мужчина еще может жениться на черной женщине (и тем более может иметь черную любовницу), но белая женщина не выйдет замуж за черного. Если белую женщину замечают в обществе черного мужчины, общество беке ее отвергает. Чаще всего белые мужчины, которые женятся на черных женщинах, — это приезжие из Метрополии, а не местные. Мужчины-беке, как настоящие расисты, допускают любовные отношения с черными женщинами, но лишь в исключительных случаях — брачные» [17].

НЕПРЕСТИЖНОСТЬ ЧЕРНОГО

В мире, в котором лишь каждый десятый — светлокожий потомок европейских колонизаторов, в котором девять из десяти — потомки африканцев, в благополучном мире, в котором нет места явной расовой дискриминации, темная кожа и поныне воспринимается как проклятие. Проблема доминирования — один из парадоксов Гваделупы: абсолютное статистическое большинство оказалось здесь статусным меньшинством. И в этом смысле «отмена рабства не стала, с точки зрения организации общества, столь радикальной переменой, как это иногда представляется: новые общественные отношения чаще всего строились по образу и подобию прежних, не ломая устоявшиеся модели» [18].

Парадоксальность восприятия расы гваделупцами выражается, помимо прочего, и в неприятии расового самоотжествления с африканцами. Э. Глиссан в 1962 году с горечью характеризовал гваделупцев как «человеческую общность, отказавшуюся от части своего су-

щества», как «народ африканского происхождения, для большинства которого слово «африканец» является оскорблением» [19]. Некто Марциал, принимавший участие в дебатах на интернет-форуме с грустной иронией констатировал: «Парижские антильцы на полном серьезе утверждают, что они не темнокожие, а французы, метисы, выходцы с Антильских островов и проч. Все вокруг могут считать вас черными, но вы, к несчастью, убеждены в обратном» [20].

В восприятии «цветного» населения оттенок кожи был «связан с социальным уровнем, и весьма характерно, что для описания социального статуса используются те же термины, что и для описания соматических признаков» [21]. По мнению этого исследователя, человек на Гваделупе и сейчас зачастую воспринимается окружающими сквозь призму расовой принадлежности. «Африканские» физические характеристики становятся социальными знаками: признаком принадлежности к группе, признаком про-

исхождения, носителем следов рабства и непринадлежности к аристократии. Напротив, более светлая кожа у потомков выходцев из Африки была очевидным признаком известного социального благополучия. Со времен рабовладения в ментальности гваделупцев прочно укоренилось мнение, согласно которому «чем светлее у человека кожа, тем выше его место в социальной иерархии, поскольку это было показателем того, что человек свободен уже не в первом поколении, что метисация зашла уже далеко» [22]. Это дает основание некоторым авторам настаивать на том, что на Антилах имеет место «конструирование идентичности, в котором «память» о рабстве играет сегодня заглавную роль» [23].

Многие местные исследователи свидетельствуют, что со времен начала рабовладения настойчивая и последовательная пропаганда государства и церкви была направлена на то, чтобы убедить рабов, а затем их потомков, в собственной неполноценности. Мало того, то черный цвет кожи и иные признаки африканского происхождения рабы и их потомки должны были воспринимать как знак собственной социальной неполноценности. Негативная интерпретация расовых признаков выходцев с Африканского континента имела еще более серьезные последствия для их психологии и конструирования собственной идентичности. Физические черты воспринимались уже не только как чисто социальные признаки, но как своего рода симптомы, передаваемые по наследству, как неизбежный и неисправимый изъян.

Травмирующая расовая идентичность побуждала выходцев из Африки и их потомков искать пути «осветлить» цвет кожи своих потомков, она побуждала темнокожих женщин к связям с белыми мужчинами и много лет спустя после отмены рабства. И это осознанное стремление вновь и вновь стигматизировало сознание и разрушало самооценку гваделупцев. «Поколение за поколением, тер-

пеливо, негры пытались спасти свое потомство, смешивая свою кровь с кровью людей с более светлой кожей. Многие и многие отказывались от своей расы, считали ее гнилым корнем, а себя — отбросами общества» [24], — сокрушается Ж. Пино. Расовое смешение, таким образом, было и заветной целью темнокожих антильцев, и вечным укором. Это был компромисс с рабовладельцами и их потомками, компромисс, который давал известные преимущества в социальной динамике, но унижал достоинство.

Э. Глиссан по этому поводу пишет: «Антильцы долгое время испытывали двойное чувство стыда: из-за того, что в большинстве своем — черные, и из-за того, что в большинстве своем — метисы» [25]. Страдания потомков африканцев-рабов из-за цвета кожи усугублялись страданиями из-за грехопадения матери, поскольку шоколадный оттенок кожи детей был всегда оплачен нравственной капитуляцией. Капитуляцией почти бессмысленной, поскольку белый человек не видел в метисе равного, а сам метис не ощущал себя белым и равным ему. Симптоматично, на наш взгляд то, что цвет кожи — навязчивая тема в антильской литературе. «Мне бы хватило немного красоты, или хотя бы немного светлой кожи, которая у нас и есть красота» [26], — сокрушается герой М. Конде.

Хотя бы немного светлой кожи! Через два дня после прибытия на Гваделупу мы просто не замечали, что нас окружают потомки африканцев, цвет кожи перестал быть чем-то привлекающим внимание и заслуживающим внимания... Но не различать оттенки цвета кожи собеседника — это привилегия белого человека. Совершенно иначе обстоит дело с восприятием расовых признаков для потомков рабов! Стигматы прошлого деформируют восприятие мира сегодняшнего.

Ф. Режан, преуспевающий ученый, представитель индусской общины, странным образом почти дословно повторил слова героя М. Конде. Рассказывая о сво-

ем четырехлетнем сыне сказал: «Когда он говорит о ком-то «он красивый», речь не идет о чертах лица: достаточно, что у человека светлая кожа. Если он говорит, что у кого-то «красивые волосы», то это означает, что они гладкие, прямые. Опять-таки, распространенность этих стереотипов заслуживает специального исследования, я понимаю, что нужно соблюдать осторожность в выводах, но в обыденной жизни такие высказывания встречаются очень часто» [27].

По мнению Ж. Бенуа связь между социальной организацией, предопределяющей формы межличностных отношений, и биологическими чертами каждого члена общества нигде столь явно не выражена, как на Антильских островах. Именно здесь, полагает он, морфологические признаки, «приобретя символическое значение, объясняют поведение и отражают систему ценностей». Физические черты на Антилах являются в первую очередь социальными характеристиками «благодаря приписываемой им ценности, благодаря той роли, которую они играют в социальной стратификации, благодаря месту, которое они занимают в фундаменте «социальной таксономии», которая, в свою очередь, оказывает влияние на интенсивность и характер метисации» [28].

Для самих гваделупцев эта проблема остается весьма актуальной. В «структурах повседневности» островитян и по сей день сохраняется воспоминание о некой «шкале оттенков кожи», шкале, на которой каждому оттенку соответствует свое название степени метисации. Согласно этой шкале, возникшей во времена рабовладения и зафиксированной колониальной администрацией в 1848 году, потомки выходцев из Африки и белых колонистов обозначались как «мулаты, квартероны, метисы, мамлюки, квартероне, санг-меле» [29]. Следует подчеркнуть, что упомянутая шкала не приобрела инструментального значения в управленческих практиках, она

не создавала никаких групповых идентичностей и, тем более, не формировала реальные социально-статусные группы. Но при этом термины, предусмотренные шкалой, долго бытовали в повседневном общении. Более того, рецидивы этой расистской по своей сути сегментации травмируют темнокожих гваделупцев и сегодня. Б. Хопкин в журналистской полемике на страницах «Монд» с горечью констатировал: «Плантаторы и чиновники колониальной администрации установили сложную стратификацию общества в зависимости от оттенка кожных покровов. Эта сегментация и сейчас продолжает отравлять умы» [30].

В какой степени эта архаичная терминология и соответствующие ей представления о степени метисации гваделупцев сохраняется в этом обществе сегодня? С этим вопросом мы адресовались к известному историку, профессору Ф. Режану. Вот мнение этого авторитетного на Гваделупе ученого.

«Прежние категоризации и стратификации населения сегодня уже не актуальны. К тому же сами термины, употреблявшиеся для категоризации, изменялись с течением времени. Например, в конце 17 века были в ходу наименования «мулат», «местиф»/ «местив» и а также «тапуй» («tapou»), обозначавший людей, один из родителей которых был европейцем, а другой — индейцем. Затем на протяжении 18-го века и позже, вплоть до отмены рабства, появлялись новые термины для обозначения новых категорий. По мере того, как происходило смешение населения, возникали все новые и новые термины для обозначения разных степеней метисации. Если поначалу были только черные и белые, и в первом поколении их потомки назывались мулатами, то в дальнейшем возникавшие союзы отличались все большим разнообразием. Некоторые наименования затем выходили из употребления, например, «мулат» — это слово, можно сказать, принадлежит старофранцузскому языку. Вместо этого сегодня ис-

пользуется термин «метис». Меня, например, чаще всего определяют как «метиса». Сам себя я бы, впрочем, так не назвал, поскольку я не считаю, что принадлежу к той или иной категории. Моего сына тоже будут называть «метисом». Наряду с этим термином существуют и другие, например, «шабэн» или (в женском роде) «шабин». Есть и креольские термины, такие, скажем, как «*reau charée*», обозначающий индивида с кожей более светлой, чем у его родителей. Есть еще «*batazindien*», это помесь индийца и «белого», или «*batanèg*» — помесь «черного» и индийца. Люди разных поколений используют разные термины. Мой дед, например, мог сказать «мулат», я сегодня тоже могу употребить этот термин, но лишь потому, что я — историк, тогда как в повседневной практике он почти не встречается. Люди моего поколения скорее скажут «метис» или «шабэн»... Было и еще одно выражение — «красный» («*rouge*»), мой дед достаточно часто его использовал для обозначения метисов с достаточно светлой кожей. Например, меня он мог бы так назвать. Но этот термин использовался только в креольском языке. И, опять же, все зависит от поколения. Сегодня появились люди, называющие себя «неграми» или «негритянками». В этом нет оскорбительного оттенка, когда человек говорит о себе самом, но не когда он так называет кого-то другого. Не поручусь, что у вас не будет проблем, если вы назовете кого-нибудь так. Мы можем сказать «негр» («*un neg*») или «черный», но вы не можете, это вызовет нежелательную реакцию. Между собой мы можем так себя определять, без проблем. Но мы не позволяем другим так нас называть» [31].

Конечно же, в повседневной жизни, в ежедневном межличностном общении островитян с разным цветом кожи подобные таксономии вербализуются крайне редко, и уж тем более, исключены они из политической риторики и управленческих практик. В современной Франции явная актуализация расовых предубеждений небезопасна с юридиче-

ской точки зрения и подвергается осуждению в морально-этическом плане.

И все-таки, то, что в гваделупском социуме степень метисации заметно сказывается на социальной динамике индивида, констатировали многие гваделупские авторы. А это в свою очередь не может не порождать известные предубеждения и негативные стереотипы восприятия друг друга представителями групп, реифицируемых по признаку оттенков кожи. Так М. Лабель-Робиярд в начале 70-х годов зафиксировала неоднозначность отношения темнокожих гваделупцев к уже упоминавшимся «шабэнам». Ссылаясь на Лейриса, она писала о том, что на острове «существует стереотипное восприятие «шабенов» как злых и вспыльчивых, непокорных и самовольных», о том, что существует стереотип общественного сознания, согласно которому «они бывают либо всем хороши, либо всем плохи». Между теми, кого называют «удачниками» («*mieux sortis*») и остальными темнокожими гваделупцами «существует ярко выраженное соперничество, в котором проявляются отголоски эпохи рабовладения» [32].

Потомки белых колонизаторов-французов («беке») и по сей день живут на Гваделупе крайне изолированной общиной и почти не вступают в контакты с основной массой «цветного» населения. Порой это бросается в глаза. Так, чья-то невидимая рука разводит в разные концы пляжа Пуант-а-Питра светлокожих женщин в черных купальниках и темнокожих девушек в белых...Эта спонтанная сегрегация объясняется, прежде всего, социальной дистанцией: напомним, большая часть общественного богатства на острове принадлежит потомкам французских аристократов. Однако и расовые предубеждения играют при этом немаловажную роль. Именно поэтому мулаты — «шабены», люди с шоколадной кожей, оказываются отторгнутыми потомками африканцев с темным цветом кожи и, по понятным причинам,

не принятыми наследниками французских аристократов. Метисация, таким образом, на Гваделупе «является одновременно и носителем, и следствием социальных смыслов... она регулируется социальными отношениями, которые ее направляют в определенное русло, воздвигают преграды, определяют, к какой группе будет принадлежать метис» [33].

В этом контексте следует отметить еще один парадокс, связанный с социальной детерминацией латентных расовых противоречий на островах. Французские исследователи отмечают, что именно в среднем и высшем классах общества проблема цвета кожи и связанные с ней комплексы приобретают особую значимость, потому что именно эти круги более остальных ориентируются на европейские модели поведения — касается ли это воспита-

ния детей, обстановки жилища, пищевых привычек или форм самовыражения. Но в то же время «дети из буржуазных семей часто отдаются на попечение нянь более скромного происхождения, которые приносят традиционные формы поведения, имеющие тем больше шансов быть воспроизведенными, что между няней и воспитанниками, как правило, существует тесная эмоциональная связь» [34]. Вновь проявляется противоречивость роли женщины в гваделупском обществе: темнокожая мать, «осветляя» кожу своего потомства, стремится обеспечить его социальную динамику и интеграцию в модернизированную урбанистическую культуру, а темнокожая «мамми», часто не желая того, возвращает его к традиционализму. Вновь болезненный разлом ментальности...

МЕТАМОРФОЗЫ КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Нет ничего удивительного в том, что Африка в культурной идентичности темнокожих гваделупцев занимает более чем скромное место. Прежде всего потому, что Черный континент стал для них символом рабства, унижения. И потому, что рудименты африканских традиций едва угадываются в «структурах повседневности» темнокожих гваделупцев. «Африканцев вы здесь не найдете» [35], — категорично объявил нам Ж. Дюмон, историк, профессор университета Пуанта-Питра. На наш вопрос об африканском прошлом гваделупцев Мэрилин, булочница из местечка Деэ, искренне ответила: «Для людей моего поколения это что-то далекое, нами не пережитое. Мы узнаем об этом только из книг...» [36].

И, несмотря на это, некоторые интеллектуалы обращаются к африканскому наследию, как к некому символу гваделупской самости. Подобные апелляции, как нам кажется, носят спекулятивный характер и призваны мобилизовать культурную идентичность для достижения политических целей. Ярким проявлением

этого факта было концептуальное оформление негритюда на Антилах. (Однако об этом сюжете мы в рамках этой статьи писать не будем. Конструирование антильской версии негритюда станет предметом рассмотрения в отдельной статье.) Здесь отметим только, что попытки Э. Сезера и его сподвижников склонить своих адептов на познание своей «самости» в африканском контексте уже давно воспринимаются как обреченные на неудачу. Ж. Бенуа с сожалением писал о том, что на протяжении длительного времени антильцев «определяли» другие, в результате чего они и «сами привыкли определять свое место в обществе с оглядкой на других, существовать лишь по отношению к другим». Поначалу, после отмены рабства, «это проявлялось в выраженной идентификации с Европой, ее культурой, ее ценностями, ее физическими типами; потом — в столь же явной увлеченности Африкой и негритюдом. В текстах и высказываниях многих идейных лидеров отразились эти поиски себя вовне, навеки обреченные на неудачу» [37].

Сейчас, когда крайности концепции негритюда остались в прошлом, африканизмы в какой-то степени воспринимаются как символы, позволяющие защитить себя от всепоглащающего европейского влияния. Однако это направление интеллектуальных исканий гваделупцев выражено крайне слабо, а число сторонников идеи возвращения к африканским корням совсем невелико. Об этом говорили многие наши собеседники из числа творческой элиты. Философ, профессор университета Пуан-а-Питра Ж. Дагомей, уверил нас в том, что среди его коллег «есть несколько групп «африканистов», но они составляют незначительное меньшинство» По мнению этого ученого «африканская тема слабо представлена в интеллектуальном дискурсе прежде всего потому, что люди осознают себя антильцами, а не африканцами» [38].

Те немногочисленные гваделупские интеллектуалы, которые еще пытаются убедить потомков африканских рабов в необходимости сохранения своей африканской «самости», апеллируют к якобы сохранившимся и поныне особенностям ментальности темнокожих островитян, говорят о своеобразии познания и восприятия мира. Р. Конфиант настаивает на том, что антильцам присуще совершенно особое «глубинное мышление, способ постижения реальности» и выражает уверенность в том, что они «бесспорно африканского происхождения» [39]. По мнению С. Муло «гваделупская культурная идентичность стала сегодня синонимом протеста, она сближается с африканизмом, во всяком случае, находится за рамками французской идентичности. Поиски идентичности, следствие колониализма, подтолкнули

индивидов к изысканиям того, что в их культуре могло избежать колониального влияния, к попыткам выявить культурную специфику» [40]. Конфликт идентичностей у темнокожих гваделупцев по мнению Ж. Бенуа «усугублен иерархизацией, в результате которой наиболее высоким социальным статусом обладает эмоционально чуждое, тогда как самое близкое и дорогое оказывается приниженным и лишенным всякой ценности» [41]. Гваделупские историки концептуалисты пытаются осмыслить начало истории и истоки идентичности своих соплеменников и задаются вопросом, создает ли колониальное прошлое собственную идентичность или, напротив, оправдывает принадлежность к более обширной общности жертв колониализма? И где искать границы этой общности? Речь, по мнению М. Фоссель идет «не только о принадлежности Антильских островов Франции, но также об их отношениях с Африкой, а потому сегодня вопрос стоит не столько о независимости, сколько о создании общей истории» [42].

Вследствие травмирующей исторической памяти Франция и, соответственно, французская культура также не воспринимаются большинством гваделупцев как в полной мере «своя». Французская гражданская идентичность и даже гордость за собственную принадлежность к великой либеральной цивилизации не означает для большинства гваделупцев культурной капитуляции. Французская политическая идентичность означает для них, прежде всего, право быть равными, в том числе право наравне с другими французами реализовать собственную культурную идентичность, право на культурную инаковость.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Филиппов В.Р. Французская колониальная империя: начало конца // Genesis: исторические исследования. — 2017. — № 9. — С.1-14. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.9.23951.
2. Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М., Горячая линия — Телеком. 2016.

3. Glissant E. L'identité française se créolise // *Le Figaro*. 2002. 29 juillet.
4. Pineau G. L'Exil selon Julia. Paris, 1996. P.114-115.
5. Giraud M. Revendication identitaire et cadre national // *Pouvoirs*. № 1132. P. 97.
6. Maximin D. Il faut arrêter d'être esclave de l'esclavage (2006) // <http://www.linternaute.com/histoire/magazine/interview/daniel-maximin/retranscription-daniel-maximin.shtml>
7. Интервью авторов с Жаки Дагомеем. 13 января 2008 года. Абим // Фонотека авторов.
8. Pineau G. L'Exil selon Julia. P. 113.
9. Интервью авторов с Мерелин. 7 января 2008 года. Деэ // Фонотека авторов.
10. Maximin D. Op. cit.
11. Интервью авторов с Дануж Патини. 17 января 2008 года. Петит Каналь // Фонотека авторов.
12. Интервью авторов с Фабиен. 16 января 2008 года. Рифле // Фонотека авторов.
13. Pineau G. Planter mes racines dans la terre créole... déracinée pour l'éternité... Dossier réalisé par Chantal nglade et Françoise Simasotchi-Brones (2003) // http://remue.net/cont/Pineau_01entretien.html
14. Bellemare H. Survivances africaines // *Historial antillais*. T. I. Guadeloupe et Martinique. Des îles aux hommes. Pointe-à-Pitre, 1981. P. 278.
15. Интервью авторов с Дануж Патини.
16. Интервью авторов с Фабиен.
17. Интервью авторов с Жаки Дагомеем.
18. Benoist J. Op. cit. P. 20.
19. Glissant E. Culture et colonisation : l'équilibre antillais // *Esprit*, 1962. Avril.
20. Martial. Дебаты на интернет-форуме (2007) // <http://www.africamaat.com/afficheforumv3.php?idarticle=960>
21. Benoist J. Op. cit. P. 22.
22. Интервью авторов с Федериком Режаном. 24 января 2008 года. Сант-Анна // Фонотека авторов.
23. Giraud M. Le passe comme blessure et le passe comme masque. La réparation de la traite négrière et de l'esclavage pour les peuples des départements français d'Outre-mer // *Cahiers d'Etudes africaines*. V.1-2, 2004. P. 79.
24. Pineau G. L'Exil selon Julia. P. 115.
25. Glissant E. L'identité française se créolise.
26. Condé M. Traversée de la mangrove. Paris. 1992. P. 34.
27. Интервью авторов с Федериком Режаном.
28. Benoist J. Op. cit. P. 34.
29. Bonniol J.-L. Penser et gérer l'héritage des caractères discriminants dans les sociétés esclavagistes et post-esclavagistes (2008) // <http://rives.revues.org/552>
30. Hopquin B. Guadeloupe: les séquelles de l'esclavage // *Le Monde*. 2006. 16 août.
31. Интервью авторов с Федериком Режаном.
32. Labelle-Robillard M. L'apprentissage du monde dans un village guadeloupéen // Benoist J. (dir). *L'archipel inachevé. Culture et société aux Antilles Françaises* // Les Presses de l'Université de Montréal. 1972. P. 145.
33. Benoist J. Op. cit. P. 33.
34. Labelle-Robillard M. Op. cit. P. 151-152.
35. Интервью авторов с Жаком Дюмоном. 11 января 2008 года. Пуант-а-Питр // Фонотека авторов.
36. Интервью авторов с Мерелин.
37. Benoist J. Op. cit. P. 8.
38. Интервью авторов с Жаки Дагомеем.
39. Confiant R. Diversalité et Créolité. Extraits de la conférence: Créolité, Diversalité, Mondialisation. Quels enjeux pour aujourd'hui? // *Martinique*. 2005. 11 novembre.
40. Mulot S. Histoire d'une éclipse, éclipse d'une histoire: Esclavage et identité culturelle dans le carnaval basse-terrien // *Dérades*. № 2. 1998. Jouin. P. 81.
41. Benoist J. Op. cit. P. 30.42. Foessel M. L'équilibre antillais // *Esprit*. 2007. Février.

РЕГИОНАЛИСТИКА

О РОЛИ ТЕОРИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Карякин В. В.

*Кандидат военных наук, Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва
Эл. почта: Vladimirkaryakin41@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена формированию теоретического базиса региональных исследований. Отмечается, что основным этапом при разработке теории является концептуализация проблемы, осуществляемая на основе мониторинга динамики основных факторов региональной обстановки и анализа действий субъектов внутригосударственной и международной политики в многомерном географическом пространстве. Показана роль индукции и дедукции при построении каркаса теории, а также предъявляемые к ней требования для обеспечения её работоспособности. Строительными блоками теории являются её аксиоматика, категориальный аппарат, система парадигм и дефиниция. Отмечена необходимость обеспечения точности эмпирических референтов, а также структурирование взаимосвязанной системы ковариационных и казуализационных отношений в теоретической конструкции.

Ключевые слова: теория в региональных исследованиях, роль индукции и дедукции в теории, точность эмпирических референтов, ковариационные и казуальные отношения теоретической конструкции.

Karyakin V.

ABOUT ROLE OF THE THEORY IN REGIONAL STUDIES

Abstract an article devoted to theoretical basis construction for investigations in regional studies. Author notes that the main stage during theory construction is the problem of conceptualization that realized accordance with contemporary regional situation and analysis activity of domestic and international actors in multidimensional geographical space. Shown induction and deduction methods role during construction of framework theory and requirements that needs for its efficiency. Building blocks of theory are its axiomatic, set of categories, systems of paradigms and definition. Remarkd the necessity guaranteeing of empirical referents accuracy and structurization of internal system links concern of covariant and casual relations in theoretical construction.

Keywords: theory in regional studies, induction and deduction role in theory, accuracy of empirical referent, covariant and casual relations in theoretical construction.

В региональных исследованиях теория призвана быть инструментом, предназначенным для выявления, диагностирования и прогнозирования происходящих в мире явлений и процессов в соответствии с принятой в данной области научного знания парадигмами [1,2].

Первым шагом на пути разработки теории является концептуализация проблемы, формирование которой осуществляется на основе мониторинга региональной обстановки и системного анализа поведения политических и экономических субъектов внутригосудар-

ственной и международной политики в контексте их сотрудничества, соперничества и противоборства в многомерном географическом пространстве.

На следующем шаге разработки теории осуществляется переход от наблюдения и предварительного анализа частных процессов и явлений к выявлению их глубинных взаимосвязей на основе индукции, результаты которого ложатся в основу разрабатываемой теории. Но индукция не даёт гарантии достоверности новой научной истины. Максимум, о чём можно говорить, так это о степени истин-

ности выводимого утверждения. Вместе с тем, теория, построенная с использованием индукции, при достаточной полноте имеющегося материала и глубине его анализа может считаться в первом приближении эмпирически обоснованной и экстраполироваться в дальнейшем на аналогичные ситуации и процессы.

Таким образом, осуществляется переход от частного, т.е. от результатов анализа имеющегося эмпирического материала, к общему — предполагаемому направлению развития обстановки на основе предварительно сформированной в сознании исследователя обобщенной концептуальной модели. Однако для создания полноценной теории, претендующей на развитие определённой области научного знания, индукции недостаточно, поскольку наблюдаемые явления не всегда могут сформировать целостную картину динамики развития обстановки [3].

Для решения данного вопроса необходимо перейти на качественно новый уровень, на котором выявляются внутренние механизмы явлений и процессов, имеющих место в многомерном географическом пространстве. Но последние не представлены в явном виде и зачастую скрыты от глаз исследователя второстепенными деталями, информационным шумом, операциями по дезинформации, затрудняющими объективную оценку обстановки.

Выходом из положения является выдвигание ряда гипотез о возможных мотивах и целях поведения субъектов региональной политики. В гипотезах находит отражение видение исследователя на механизмы возникновения наблюдаемых процессов и тенденций. Вполне естественно, что они должны подтверждаться имеющимися данными и логически вытекать из выдвигаемых исследователем теоретических посылок при формировании гипотезы.

После этого исследователь совершает поворот в противоположном направ-

лении — в сторону дедукции. Он движется от гипотетических утверждений, касающихся взаимосвязей в системе, к утверждениям о направленности и динамике исследуемых процессов. Этот приём уже позволяет использовать теорию для объяснения событий реального мира. Если с помощью индукции мы можем продемонстрировать, что некоторое наблюдаемое явление может быть логически предсказано на основе положений принятой нами концепции, то дедукция позволяет доказать, что данная конструкция имеет право на существование. Индукция позволяет сделать обобщения в отношении относящихся к данной области явлений, а дедукция играет роль механизма обратной связи между теорией и наблюдаемыми событиями. Вместе с тем, нельзя отождествлять дедукцию с переходом от общего к частному, а индукцию — с переходом от частного к общему. Дедукция — это логический переход от одной истины к другой, индукция — переход от достоверного знания к вероятному. К индуктивным умозаключениям относятся не только обобщения, но и аналогии и заключения о причинах наблюдаемых явлений.

Дедукция играет особую роль в обосновании утверждений. Если рассматриваемое положение логически следует из уже установленных положений, оно обосновано и приемлемо в той же мере, что и последние. Это — собственно логический способ обоснования утверждений, использующий чистое рассуждение и не требующий обращения к наблюдению и интуиции.

В рассуждениях дедукция только в редких случаях предстаёт в полной и развёрнутой форме. Чаще всего мы используем не все посылки, а лишь некоторые из них, которые исследователь считает наиболее важными. Утверждения, которые считаются тривиальными, как правило, опускаются. Не всегда явно формулируются заключения, вытекающие из принятых посылок. Логические

связи между исходными и выводимыми утверждениями обозначаются такими словами как «следовательно» и «значит».

Нередко дедукция является настолько сокращённой, что о ней можно только догадываться. Восстановить её в полной форме, с указанием всех необходимых элементов и их связей бывает нелегко. Проводить дедуктивное рассуждение, ничего не опуская и не сокращая, обременительно. Человек, указывающий все предпосылки своих заключений, создаёт впечатление скучного педанта. И вместе с тем всякий раз, когда возникает сомнение в обоснованности сделанного вывода, следует возвращаться к самому началу рассуждения и воспроизводить его в возможно более полной форме. Без этого трудно или даже просто невозможно обнаружить допущенную ошибку.

Для разрешения выше указанных проблем следует обратиться к абдукции — рассуждениям, ориентированным на поиск правдоподобных объяснительных гипотез. Впервые в методологию науки абдукцию ввел американский логик Ч.С. Пирс.

Сравнивая ее с традиционными формами умозаключений, он подчеркивал, что «индукция рассматривает гипотезы и измеряет степень их согласия с фактами. Поэтому она не может создать какую-либо идею вообще. Не больше того может сделать и дедукция.

Все идеи науки возникают посредством абдукции» [4]. Абдукция состоит в исследовании фактов и в построении гипотезы, которая их объясняет. Абдукция и индукция начинают с фактов, но по-разному их исследуют. Если индукция ищет факты, подтверждающие заключение, то абдукция направлена на установление определенной регулярности между фактами и их связности. Эта регулярность выражается в виде предварительной гипотезы, которая после многократных уточнений смогла бы объяснить данные факты. Пирс считает, что абдукция лучше ориентирована на ис-

следование процесса поиска научных гипотез, посредством которых можно раскрыть внутренний механизм, лежащий в основе наблюдаемых явлений, и тем самым найти им объяснение. Логическую форму абдуктивного рассуждения Пирс представляет в следующем виде:

- D — множество фактов;
- H — множество гипотез;
- H объясняют D. Следовательно, гипотезы H правдоподобны.

На первый взгляд, кажется, что абдуктивное рассуждение мало чем отличается от гипотетико-дедуктивного заключения поскольку предполагает гипотезу в качестве посылки. Однако ход рассуждения в нем прямо противоположен гипотетико-дедуктивному выводу, который начинается с заранее заданной гипотезы, из которой затем выводится следствие. Абдуктивное же рассуждение начинается с анализа и точной оценки фактов и установления определенной взаимосвязи между ними. Именно они детерминируют выбор гипотезы для их объяснения. Так вынуждены действовать ученые в своих конкретных исследованиях, поскольку в самом начале они имеют дело именно с фактами и только потом ищут гипотезы для их объяснения. Между тем некоторые критики абдукции не видят коренного различия между абдукцией и простым гипотетическим рассуждением, обращая внимание только на то, что они используют гипотезы.

Индукция больше похожа на абдукцию так как рассуждение также начинается с рассмотрения фактов и продвигается в направлении от частного к общему. Но, согласно Пирсу, она должна пониматься как операция, предлагающая оценку — в качественной или количественной форме — гипотезы, уже выдвинутой ранее. Абдукция не является безошибочным методом выявления новых истин в науке. Ее цель состоит в поиске гипотез, служащих для объяснения

конкретных фактов. Такие гипотезы должны удовлетворять следующим требованиям: 1) они должны объяснить не только эмпирически наблюдаемые факты, но и факты, непосредственно ненаблюдаемые и проверяемые косвенным путем; 2) гипотезы должны быть сформулированы как интеррогативные утверждения, т.е. содержать определенный вопрос, на который следует ответить в ходе исследования; 3) содержать требование к объяснительной гипотезе, состоящее в верифицируемости. Что касается критерия опровержения, то он хотя и является логически корректным правилом, тем не менее, служит лишь средством элиминации ложных гипотез.

Абдукция дает новый ключ для объяснения многих сторон практической и интеллектуальной деятельности. Однако некоторые философы науки критикуют саму концепцию абдукции Пирса, считая, что между фактами и гипотезой нет рациональной связи. Они считают, что для объяснения фактов могут быть использованы совершенно разные гипотезы. Другое возражение против абдукции связано с тем, что гипотеза, предлагаемая для объяснения фактов, может быть известной или найденной каким-то иным способом. В науке действительно часто бывает так, что гипотеза частного характера, или её элементы, являются известными. Но в абдуктивном рассуждении такая гипотеза не используется в прежнем виде: она либо обобщается, либо применяется к другим случаям. При этом прежние элементы старой гипотезы объединяются в новую обобщённую гипотезу. В данном случае речь идет о применении старой гипотезы или ее элементов в новой. На это возражение ответил еще сам Ч. Пирс: «Верно, что различные элементы гипотезы были в нашем уме и прежде. Но идея объединить их вместе никогда не приходила нам в голову до этого, пока внезапно не возникло но-

вое предположение до наших размышлений» [5].

Нередко критики абдукции заявляют, что она представляет собой попытку возврата к созданию логики, подобной индуктивной логике Ф. Бэкона, которая уравнивала талант и изобретательность с механической процедурой следования заранее заданным правилам. Однако, будучи профессиональным ученым, Пирс разрабатывал абдуктивные рассуждения в качестве более надежного метода поиска научных гипотез, а не алгоритма открытия. Вместе с тем он резко выступал против случайного поиска истин в науке путем проб и ошибок, считая это безнадежным делом, требующим бесконечно много времени. Для обоснования своей аргументации он обращался к реальной практике научного исследования, к истории научного познания, анализируя открытия Галилея, Кеплера и Ньютона. Дальнейшее развитие идеи Ч. Пирса получили в работах Н.Р. Хэнсона, который на конкретном материале классической физики и теории элементарных частиц убедительно показал преимущество абдукции как перед гипотетико-дедуктивной, так и перед индуктивной моделью познания [6].

В последнее время с защитой абдукции выступает Я. Хинтикка, который считает, что правильность абдуктивных умозаключений должна быть обоснована, скорее, с помощью стратегических принципов, чем дефиниторных правил, аналогичных правилам игры в шахматы. Подобно тому, как знание шахматных правил отнюдь не характеризует мастерства игрока, знание логических дефиниторных правил тоже не определяет умения рассуждать эффективно. Чтобы овладеть искусством рассуждений, необходимо знать не только дефиниторные правила, но и, что более важно, уметь использовать стратегические аспекты рассуждений.

Научный поиск не сводится к определенному алгоритму, постольку его ре-

зультаты не могут быть достоверными и окончательными. Использование стратегических принципов поиска облегчает решение задачи исследования, делает его более организованным и целенаправленным, но, тем не менее, не гарантирует достижения истины. В этом смысле абдукцию можно сравнить с эвристическими способами рассуждений. Опираясь на стратегические и эвристические принципы поиска, ученый получает возможность более эффективно вести свое исследование и ближе подойти к истине, чем при использовании метода случайных проб и ошибок.

При этом следует заметить, что разработка теории не обеспечивает ей немедленного признания в научной области. На практике существует жесткая конкуренция различных теоретических подходов и взглядов. В практической жизни имеет место естественный отбор теорий в ходе их эволюционного развития. Для повышения конкурентоспособности теории необходимо решение следующих задач:

1. Проверка истинности (или верифицируемости) теории. Это означает возможность проверки с помощью её аппарата построения достаточно надёжных прогнозов, адекватно отражающих динамику происходящих событий.
2. Проверка непротиворечивости логической конструкции теории на отсутствие внутренних проблем, препятствующих совместимости её структурных компонент.
3. Обеспечение доступности понимания теории, означающую возможность осмысленного использования данной теории в качестве инструмента исследований.
4. Проверка широты охвата теорией проблематики данной научной области в целях исследования более широкого круга проблем с целью прогнозирования социально-политической и международной обстановки.

Логическая структура теории должна опираться на базовую парадигму теории, включающую систему частных парадигм, отражающих связность многомерного географического пространства. Задачей аксиоматики и концептуального аппарата теории является выявление тенденции и прогнозирование динамики развития региональных процессов.

Эти понятия являются строительными блоками каркаса теории. Они задают своеобразную систему координат для ориентации исследователя в окружающем мире, понимания и классификации объектов и явлений, устойчивые свойства которых позволяют провести классификацию и делать соответствующие прогнозы. Это относится, прежде всего, к социально-политическим, экономическим, экологическим демографическим системам государственного и регионального уровня, свойства которых являются релевантными для конкретного исследования. Все исследователи имеют дело с одной и той же реальной действительностью, но каждый из них выбирает интересующие его объекты, изучает их характеристики и особенности.

При определении значимости элементов теории необходимо учитывать, что некоторые её понятия опосредованно относятся к наблюдаемым объектам. Например, в исламском мире важную роль при объяснении событий играет асабия [7]. Однако, опираясь на научную точку зрения, мы не можем верифицировать подобный фактор как объективную реальность, поскольку можем его наблюдать только опосредованно, наблюдая, например, «арабской весны». Чтобы быть принятыми для научного рассмотрения, такого рода понятия должны восприниматься если не инструментальным способом, то хотя бы нашим сознанием как объективно присутствующие факторы в поле геополитического исследования.

Отсюда возникает следующий вопрос: можем ли мы использовать наши анали-

тические способности для исследования интересующих нас объектом и процессов в реальном мире? Если мы не в состоянии это сделать, то необходимо опираться на эмпирические референты, позволяющие осуществлять их прямое или косвенное наблюдение.

При этом эмпирические референты должны быть точными, т.е. относиться к одному и только одному множеству свойств некоторого явления или объекта. Это необходимо для конкретизации описания объектов и явлений с использованием данной совокупности понятий.

Задание точности помогает идентифицировать эмпирические референты, классифицировать наблюдаемые явления и выявлять их особенности. Например, если степень демократичности политической системы определяется лишь наличием всенародных выборов главы государства, то демократическими государствами можно формально считать Соединённые Штаты и Российскую Федерацию. А можем ли мы в нашем исследовании рассматривать эти два государства как примеры однотипных политических систем? Формально — да, но фактически наблюдаются существенные различия. В США президент страны выбирается на основе системы выборщиков, а не прямым голосованием, как это делается в РФ. Чтобы понять насколько это демократично, необходимо уточнить понятие демократии и провести различия между политическими системами этих двух государств.

При объяснении причин «цветных революций» можно оперировать такими понятиями как степень и широта недовольства народных масс правящим режимом, а также эффективность внешнего влияния на процессы трансформации политической системы государства. Эти два понятия связаны друг с другом посредством предположений, состоящих в том, что оппозиция будет предпринимать действия для изменения политики властей, вплоть до смещения правящего

режима при поддержке внешних сил, зачастую организующих и финансирующих её деятельность. При этом следует учитывать ещё и то обстоятельство, что, увидев неэффективность ненасильственных методов борьбы, оппозиция будет вынуждена перейти к силовым действиям. Приняв во внимание эти предположения, можно ожидать открытых выступлений сил оппозиции против действующего режима с целью захвата власти в стране.

Данный пример показывает, что уточнение понятий необходимо при анализе обстановки.

Так происходит структурирование взаимосвязанной системы понятий, в ходе которого устанавливается определённая система отношений, принимающая ковариационные или казуализационные формы.

Ковариационные (ковариантные или однонаправленные) отношения указывают на одновременную тенденцию изменения двух и более понятий: т.е. при возрастании или уменьшении одних факторов возрастают или уменьшаются другие.

Как правило, ковариационные отношения не раскрывают причину взаимозависимости. Можно предположить, что в ковариационном отношении находятся уровень социального оптимизма населения страны и успешные политические акции её руководства. Примером является возвращение Крыма в состав России и подавляющая поддержка этой операции населением страны. Видимо, связь между этими двумя факторами находится в зависимости от третьего фактора — общественного запроса на утверждение ведущей роли России на международной арене.

Казуализационные (казуальные или случайно связанные) отношения свидетельствуют о том, что изменения одних или нескольких факторов приводит к соответствующим изменениям каких-то других, кажущихся слу-

чайно связанными с ними, факторов. Это затрудняет установление причинно-следственных связей ввиду сложной взаимозависимости процессов, нелинейности их развития, и влияния многочисленных неявно выраженных явлений и процессов.

Это условие указывает на наличие проблемы мнимых отношений, когда факторы А и В изменяются одновременно, поскольку это вызвано влиянием фактора С, а в отсутствии последнего они совершенно не связаны и, если и изменяются, то независимо друг от друга. Вот это и указывает на мнимую взаимосвязь между факторами А и В.

Здесь важно следить за выдвигаемыми исследователем гипотезами. В качестве примера можно привести зависимость между курсом рубля и ценами на отечественные продукты питания. При обнаружении этой связи предположение состоит в изменении экономических условий, влияющих на уровень цен. Но это не так. На самом деле эта связь мнимая и состоит она во влиянии третьего фактора, говорящего о стремлении продавцов использовать обстановку экономического кризиса, и связанное с этим изменение курса рубля для повышения цен на товары, производимых в России, при производстве которых не были использованы импортные компоненты. Данный пример показывает наличие искусственно созданной ковариантности при мнимой казуальности таких факторов как курс рубля и цены на отечественные продукты питания.

При этом важно отметить две особенности казуализации:

- ▶ во-первых, фактор А может прямо или косвенно вызвать изменение фактора В лишь в том случае, если это является следствием действия фактора С, который непосредственно влияет на фактор А. Поэтому при этом исследователь должен выявлять проявления косвенной казуализации;

- ▶ во-вторых, следует учитывать тот факт, что поведение политических деятелей обычно обуславливается многими факторами. Поэтому при исследовании геополитических проблем необходимо избегать упрощения и использовать системный подход для исследования множественной казуализации, т.е. казуализации, вызванной несколькими факторами. Исследователю следует учитывать, что любое событие обусловлено несколькими причинами, и что политические акции, как правило, осуществляются на основе операционного плана, включающего последовательность действий, взаимосвязанных по целям, месту и времени [8].

Для разрешения указанных трудностей бывает полезно построить казуальную модель обстановки, которая представляет собой диаграмму, задающую схематически все исследуемые причинно-следственные отношения.

Как видно из предыдущих примеров, ковариантные и казуальные отношения могут быть положительными и отрицательными. Положительное отношение представляется утверждением: чем сильнее проявляется фактор А, тем выше вероятность возрастания фактора В. Отрицательное отношение формулируется от противного. В модели должно быть указано, какое именно отношение между понятиями (положительное или отрицательное) имеет место в конкретном случае, и отображаться знаками + или –.

В заключение отметим, что совершенствование теории начинается с выявления нерешенных проблем в исследуемой научной области и поиска возможных путей их решения с использованием имеющегося теоретического аппарата. Если инструментарий существующей теории не удовлетворяет заявленным требованиям при решении конкретной проблемы, то наступает этап пересмотра ка-

тегориального аппарата и совокупности парадигм данной теории. На этом этапе производится обновление методологического каркаса теории и его апробация, состоящая в проверке достоверности результатов анализа и прогнозирования региональной обстановки для заданного временного интервала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бородкин Л.И. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // *Международные процессы*, 2005, том 3, № 7, сс. 4-16;
2. Kavalski E. The fifth debate and the emergence of complex international relations theory: notes on the application of complex theory to the study of international life // *Cambridge Review of International Affairs*, Volume 20, Number 3, September 2007, DOI: 10.1080/09557570701574154.
3. См. Карякин В.В. Геополитика: исследование международных проблем в эпоху постмодерна. Монография. — М.: Граница, 2016, сс. 37-39.
4. Рузавин Т.Н. Абдукция, ее особенности и применение в научном исследовании // *Полигнозис*. 2002. № 3.
5. См. Вагин В.Н., Головина Е.Ю., Загорянская А.А., Фомина М.В. Достоверный и правдоподобный вывод в интеллектуальных системах. М., 2004.
6. Hanson N.R. *Patterns of Discovery*. Oxford, 1958.
7. Асабийя — способность членов группы к самоорганизации, путём принесения жертв ради общего блага. Термин введён средневековым арабским мыслителем Ибн Хальдуном. Расширение данному понятию дал П.В. Турчин в книге: *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. Пер. с англ. Предисловие Г.Г. Малинецкого. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 368 с.8. См. подробнее: Ballok H.M. *Casual Inference in Nonexperimental Research*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1964.

Уважаемые авторы!

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: gp_j@bk.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски концевые, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.
2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.
3. Договор о предоставлении права использования произведения заключается в устной форме и является безвозмездным, т.е. плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление в свободной форме на имя Главного редактора.
4. В начале статьи авторы направляют в редакцию на русском и английском языках (обязательно для лиц, сдававших кандидатский экзамен по английскому языку) следующие сведения и материалы:
 - название статьи;
 - фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание;
 - место работы, должность, почтовый служебный адрес, контактные телефоны и адрес электронной почты;
 - аннотацию (4–5 строк);
 - ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);

Кроме того, автор представляет только на русском языке приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках в конце статьи).
5. Данные, представляемые в редакцию в соответствии с п.4 пунктом, будут размещены в РИНЦ.
6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.
7. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону +7 (495) 503-76-36; +7 (967) 004-77-00 или по e-mail: gp_j@bk.ru